Ржавые земли

Автор:
Максим Хорсун

Ржавые земли

Максим Хорсун

Солдаты далекой Империи #2

1902 год, Крым. Террорист-эсер готовит покушение.

1934 год, Западная область. Бывший судовой врач с царского броненосца оказывается в застенках НКВД.

Они встретятся или, быть может, уже встречались на промороженных пустошах Марса. Безжалостный убийца – и лекарь, социопат – и гуманист. Встречались, чтобы сыграть свою роль и расставить точки над "i" в новой Войне Миров.

Ржавые земли двух планет опять напитаются кровью праведных и грешных. Это не секретные архивы НКВД. Это – гораздо страшнее.

Роман также выходил под названием "Боги-насекомые"

Максим Хорсун

Ржавые земли

Часть первая

Анклав Синих

Они проворонили свое упыриное время. Не поспели ни к трем утра, ни к четырем: заблудились среди болот и дрянных грунтовок Западной области. В Рудинку въехали в половине шестого. А что такое половина шестого в деревне? Да еще в августе? Это значит, что на ногах все – от мала и до велика. Это значит, врасплох не застанешь кого нужно, не сдернешь с печи в исподнем и не зашвырнешь, полуживого от ужаса, на заднее сиденье государственного авто.

Черный ГАЗ-М1 медленно катил по деревне. Натерпевшееся за ночь днище царапали комья твердокаменной грязи. Из-под колес тернового венца советского автомобилестроения шарахались рябые куры. Лаяли и подвывали прозорливые псы: беда, урча мотором, ползла по Рудинке.

Улочки опустели. Дворы и огороды опустели, точно мор прошелся по деревне. На «эмку» глядели сквозь щели в ставнях и щербатых дверях. Глядели и крестились. Крепко прижимали к себе бестолковых шалопаев, что рвались рассмотреть вблизи диковинку – массивное черное авто; голопузым-то было невдомек, что означает прибытие воронка. В то же время перекошенные рты их родителей шептали одно и то же: «Господи, пронеси!»

А недавно в избе-читальне их уверяли, что бога нет!

– Тормози! Вот у той калитки! Ага, здесь!

Краснов выбрался из прокуренного салона. Осмотрелся.

Хозяин уж готов принимать гостей. (Они бы еще к обеду приехали!) Стоит на крыльце высокий старик, большие крестьянские руки на груди сложил. Оделся, умылся, даже, кажется, причесался. Хотя причесывать ему особенно нечего – так, приладил серые клочки вдоль шишковатой лысины. А лицо! Что за лицо! Краснов невольно залюбовался. Теперь понятно, почему ему удавалось скрывать происхождение столь долго – с эдаким-то рылом!

Из воронка вылез Середа. Крякнул, распрямляя затекшую спину. Окинул ухватистым взглядом бывшего пулеметчика соседние дома и, не обнаружив

замаскированных огневых точек, тут же закурил дымную папиросу.

Последним из «эмки» вышел Джавад-заде. Всю ночь он продрых, бессовестно пристроив кучерявую голову на плече Середы, и теперь тщетно пытался справиться с зевотой. На человека, из-за которого они полночи тряслись по проселкам, Джавад-заде глядел с откровенной скукой. В машине остался только водитель: Шурик развернул вчерашнюю «Правду», надел кругленькие очки и погрузился в скупую эстетику отчетов по пятилетке.

Краснов откинул легкую калитку. Двинул уверенным шагом через заросший лопухами да спорышом двор. Из-за угла дома наперерез старшему следователю кинулась дворняга – хвост бубликом. Защелкала зубами, а затем заверещала и метнулась под крыльцо, едва не заработав под брюхо крепким сапогом.

– Говорите громче, я слышу худо! – предупредил хозяин сварливым голосом.

– Подзаборный? Павел Павлович? – Старший следователь уже поднимался по ступеням.

– Так точно, – ответил хозяин. – Пал Палыч.

– Середа! – бросил, не оборачиваясь, Краснов. – Дуй за соседями! – Он шагнул вперед, тесня Подзаборного в сени. – В доме кто-то еще есть?

– Никак нет! – Подзаборный послушно пятился. Краснов заметил, что пальцы на левой руке старика неестественно коротки – шашкой, что ли, подровняли? – Я сам живу.

– Джавад!

Но Джавад-заде уже просочился между ними, растворился в коричневой тени за спиной хозяина. Он знал свое дело. Сразу же послышался звон посуды и бряцанье падающих на пол вещей.

– Что же это вы… – опешил Подзаборный. – Сразу крушить. Вы б сказали, чего ищите, я бы, может… может, говорю…

– Молчи! – коротко бросил Краснов. Он еще не успел определиться, как вести себя с этим человеком. Товарищ Блад приказал доставить Подзаборного П.?П. в Управление целым и невредимым. Гражданин Подзаборный П.?П. не очень-то походил на тех, кого Краснову доводилось брать в оборот по пятьдесят восьмой статье. Первая мысль, которая пришла в голову старшему следователю, казалась невероятной. Неужели перед ним настоящий шпион, враг советского народа, вредитель и сволочь? Ведь не ради красного словца товарищ Блад предупреждал громким шепотом – делом этим заинтересовались в самой Москве.

Не так прост старик, как просто и постно его рыло свинопаса. Вроде смирный и даже напуганный, но нос держи по ветру! В УНКВД после убийства товарища Кирова чистки идут такие, что мама – не горюй! Что-то реформируют, а затем – перереформируют, начальство меняется с пугающей быстротой: из кабинета с кожаным креслом – на этап и в Заполярье. Дашь маху, и сам по пятьдесят восьмой отправишься мерзлоту ковырять или вовсе подопрешь стенку. Хотя у них в Западной области даже к стенке не ставят. У них для этого есть Катынский лес, а в нем – урочище Козьи Г?ры, где каждый день звучат выстрелы и каркают вороны.

И когда в Управлении полетели головы, выяснилось, что тихий и плохо говорящий по-русски майор Оганесян который год сбывает липовые паспорта. Его стараниями по Союзу разбрелось почти два десятка таких «граждан Подзаборных». Где, спрашивается, теперь их искать?.. К счастью, один из них далеко не уехал. Или дело у него какое-то было под Смоленском, или попросту уверился в безнаказанности и начхал на компетентные органы. А тут еще по городам и весям прополз слушок, что кому-то встретился «молодой» помещик, чье имение в Рудинке сначала сожгли, а потом отремонтировали и передали колхозу под овощной склад.

Подзаборный опустился на скамью.

– А можно папироску? – попросил он следователя.

Краснов поджал губы и нехотя протянул ему почти пустую пачку.

– Веришь, тридцать лет не курил, – Подзаборный сжал «беломорину» морщинистыми губами, вытянул голову к Краснову, ожидая, что тот даст

огоньку. Краснов про себя выругался, чиркнул спичкой. Другому бы въехал кулаком в ухо за гонор. А этот – шпиён как-никак. Такого даже бить сразу неохота.

– Волнительно тебе? – спросил он, заметив, что на лысине старика выступили крупные капли пота.

– Да как тебе сказать… есть немного.

– Это хорошо, что немного. Тошно становится, когда мужики сиропятся. Ты ведь не станешь сиропиться?

Хозяин улыбнулся, показав дрянные зубы, и ничего не ответил.

– Ишь ты! – Краснов сплюнул на пол. – А с пальцами чего приключилось? Саблей, ага?

– Саблей? – Старик посмотрел на свою левую руку, прищурившись. Будто только сейчас заметил недостачу фаланг. – А может, и саблей…

– И на чьей же ты стороне воевал, Пал Палыч?

– На стороне людей. Давно это было.

А Джавад-заде тем временем упорно переворачивал дом вверх дном. Весь дом – вверх дном. Он даже влез в печь и вынул на стол горячий горшок. В горшке оказалась пшеничная каша, заправленная свиным салом. Краснов повел носом: в свое время жизнь вдоволь попотчевала его солдатской снедью. В степях Тавриды, пропахших пылью и кровью, он бил поганых «беляков», братья били, соседи били, все били проклятых белоручек, снобов и гордецов. Он-то точно сражался на стороне людей. На стороне трудового народа.

А за кого воевал этот притворяющийся мужиком дед? Воевал ли вообще? В каких парижах и лондонах он переждал удалое время революции и гражданской войны? С какой целью проник в глубинку и затаился?

Во дворе зазвучали голоса: Середа вел соседей. Краснов прогнал лишние мысли прочь. Предстояло закончить с формальностями, а дедукция… Дедукция не наш метод.

Двое нехотя переступили порог. Мужчина – ровесник Подзаборного, неопрятный бородач; женщина – лет пятидесяти, одетая в бесформенное платье и с проеденным молью платком на полных плечах.

– Здра… Здравия… желаем! – кое-как выговорил бородач.

Краснов приветствие проигнорировал. Окинул ледяным взором трясущуюся парочку. Соседи были хороши. Успел он налюбоваться подобными персонами: с перепуга подпишут всё, что им не подсунешь. Расскажут о том, чего никогда не видели. Красавцы!

Середа отодвинул горшок с кашей на край стола, достал бумагу и письменные принадлежности. Заскрипел пером.

– Фамилии-имена-отчества?..

Ровненькие буквы медленно ложились на бумагу. Он тоже знал свое дело – бывший пулеметчик Славка Середа – и старательно заполнял бумаги, которым предстояло лечь на стол товарища Блада. А может, и самому… самому!

Подзаборный курил, чуть подкашливая на затяжках. На соседей глаза не поднимал, шевелил пальцами босых ног. А ногти на ногах были у него ровненькие и розовые – как у отрока. Краснов почувствовал прилив сиюминутной неприязни к старику: у него-то за первый год окопной жизни ногти подчистую обожрал грибок.

Со стороны могло показаться, будто старику совестно. Хотя, если задуматься, откуда у шпиона возьмется совесть? Замышлял что-то Подзаборный, – Краснов прищурился, – что-то крутил-вертел в уме. Никак мечтал сухим из воды выйти.

Нет, контра, не надейся!

На самом деле хозяин знал, что у соседа, бородатого деда Гриши, сердце ни к черту. Поэтому сидел тихо, как мышь, и ломал голову, гадая, чем бы укрепить дух незадачливому соседу. А тот вот-вот на пол брякнется! Его во второй раз спрашивают: чем, мол, занимаешься в деревне? Он же отвечает невпопад. И адрес свой, раззява, назвал неправильно. Придерутся еще, с этих станется!..

– Подзаборный П.?П. жил по поддельному паспорту с 1923 года! – зазвучал в избе голос старшего следователя. – Бок о бок с вами! Куда вы смотрели, граждане?! Где ваша бдительность?

Бородач побледнел и схватился за сердце, женщина всхлипнула и утерла нос краем платка.

– Подзаборный подозревается в шпионаже! – продолжал наседать на соседей Краснов. – В контрреволюционной деятельности подозревается! Во вредительстве! В антикоммунистической агитации!

– Так-так-так, товарищ милиционер! – зачастила соседка. – А мы-то думали!.. Чего он всё высматривает! А он!.. С чего бы вдруг долгоносик на полях завелся? Почему скотина у Бразовских пала! Он всё! Он – кровопиец!

Середа записывал. Темная от навсегда въевшейся в кожу грязи рука медленно выводила аккуратные буквы.

– И Первомай не празднует! И в церковь ходит! – вошла в раж соседка. – Проходимец засланный!

С нее было достаточно. Почувствовав, что пора бы угомониться, соседка отступила. Зашмыгала носом, затеребила пальцами узел платка.

– Ну а ты что запоешь? – обрушился на бородача Краснов.

– Да я… мне-то… – залепетал сосед.

– Что? Что, гражданин хороший, ты видел? Кайся да не бойся. Участвовал ли Подзаборный в колхозной жизни? Выспрашивал чего-нибудь? Видел его с кем-то подозрительным?

– Так… доктор он наш… – выдавил из себя сосед. – Ну какой он шпион, товарищи?

– Чего? – поморщился Краснов. – Доктор? Он учился на доктора? – Следователь махнул рукой в сторону Подзаборного. – У нас, оказывается, университеты за плечами, ага? Вот так хитрец! А притворяется крестьянином…

– Да он, товарищи, всю… всю войну при госпиталях был! – продолжал упорствовать сердобольный сосед. – Научили там уму-разуму! Какие лекарствия требуются, какие травы…

Краснов подкрутил кончики пшеничных усов и обратился к деду Грише почти ласково:

– Говоришь, хороший мужик? Говоришь, не вредитель и не сволочь?

Бородач поперхнулся и задрожал как осиновый лист. Стал отрывать с рукава заплату, переминаясь с ноги на ногу так, словно одолевала его естественная нужда.

– Он-то? Вредитель и… Доктор он наш! Палыч! – Он вдруг обеими руками вцепился Подзаборному в плечо. – Палыч, ну скажи им! Ошибочность же вышла! Не надобно так!

Подзаборный, не поднимая глаз, покачал головой. Дед Гриша кинулся к Краснову.

– Внучка на ноги поставил – считай, из могилы вытащил!.. Тут его все знают: всем помогал, никому не отказывал… Василиса! – Бородач дернулся к соседке. – Скажи хоть ты! Помнишь, грудная жаба тебе жития не давала? Недопустимо ведь! Погубим доктора!

– Да что ты, Григорий! Господь с тобой! – всплеснула руками соседка. – Да я его знать не знаю! И грудной жабы у меня отродясь не имелось!

– Помогал же всем!.. Все его уважали!..

Середа, который попросту не умел писать быстро, отодвинул бумагу и вопросительно поглядел на старшего следователя. Краснов не вытерпел:

– Ладно-ладно! Вижу: одним миром вы здесь помазаны! Будь моя воля, всех бы забрал! До одного! Но только вот беда – места в машине не хватит!

К Краснову подошел Джавад-заде. На стол легла пухлая стопка пожелтевшей от времени бумаги. Следователь поднес к глазам верхний лист.

– А-ага! – протянул он. Пробежался глазами по верхним строчкам, пестрящим «ятями». – «Волны над моей головой»! Написано Павлом Рудиным… когда?! В 1903 году! Что это? – обратился он к хозяину дома. – Пробы пера? Поэма о море и моряках? Откуда, интересно, она здесь взялась? Подзаборный?

– На растопку хотел пустить, – ответил, глядя в пол, Подзаборный. – Да жалко стало. Дуралей старый!

– …и кто такой – этот Павел Рудин? Приятель твой, что ли?

Рядом с первой стопкой легла вторая. Джавад-заде едва заметно усмехнулся: он легко обнаружил тайник под скрипучей половицей. Середа от любопытства вытянул шею. Брови Краснова взлетели к залысинам: новая кипа была в два раза толще предыдущей.

– Однако! – Старший следователь невольно потянулся за папиросой. – Часом, не в союзе писателей состоит твой Рудин?

Он вытащил из стопки несколько страниц и просмотрел их по диагонали.

– Прямо мемуары какие-то!.. Я сказал… Я увидел… Я пошел… Надеюсь, изложено с подробностями? Со всеми фамилиями? Ага, вижу-вижу… Молодца, гражданин Подзаборный! Молодца!!

Краснов прочитал еще абзац, подергал себя за усы. И будто тень легла на лицо старшего следователя. Будто стала неожиданно горькой последняя «беломорина».

– Середа!

– Слушаю, товарищ капитан!

– Вот что, Середа. Соседи свободны… Пока свободны! – поправился он, выпуская табачный дым через ноздри. – Возьми у них подписку о невыезде. Подзаборного – в авто. Живо!

Бумаги хозяина избы исчезли в потертом портфельчике.

– Обувайся, Лев Толстой, – приказал Краснов Подзаборному. – Экипаж ждет.

…Там оставался еще один укромный уголок. За оббитым латунью комодом скрывалась ниша, и в этой нише что-то темнело. Джавад-заде снял прилипшую к усам паутину, опустился на колени и сунул руку в последний тайник. Длинные обезьяньи пальцы нащупали продолговатый сверток.

– Зураб, ты закончил?

«Вечно куда-то вы спешите, товарищ капитан. Не спешите, а то успеете! Обыск – это тоже искусство!» – подумал Джавад-заде.

Он потянулся и достал сверток. Сидя на полу, развернул заплесневелую мешковину. Заиграла, заискрилась находка в лучах из оконца. Осторожно, словно боясь уронить и разбить, Джавад-заде поднял витой рог из прозрачного стекла.

Краснов разочарованно вздохнул. Ему хотелось бы, чтоб под мешковиной оказался пистолет или какое иное оружие.

– Брось цацку, Зураб! Зачем тебе стекляшка? Иль не знаешь, как с такими благородия забавляются?

Джавад-заде выругался, бросил рог на кучу хозяйского тряпья. Зашипел и принялся вытирать руки об гимнастерку. Одинокая, незамеченная никем искра янтарного цвета беспокойно металась внутри стеклянной безделушки. Искра нуждалась в чьей-то воле, чтобы выплеснуться наружу огненной дугой. Дугой,

способной обратить железо в пар.

Старший следователь хмыкнул, взглянул косо на сброшенные со стены образа и вышел в сени.

«Царский броненосец «Кречет»! – размышлял он, постепенно воодушевляясь. – Мать честная! Теперь понятно, почему в Москве начался сыр-бор, едва кто-то прослышал о нашем Подзаборном. Дело-то, оказывается, вовсе не в «молодом» помещике, тайно вернувшемся из заграницы. Этот Рудин замешан в государственных интрижках старого режима. Вот так «шпион»! Тятя-тятя, наши сети притащили мертвеца!»

* * *

В десять часов утра «эмка» свернула с шоссе Смоленск-Витебск на грунтовую дорогу. За окнами воронка зеленел свежей листвой Катынский лес. Дорога вилась и петляла, но ехать недалеко: километр, не больше. Потом березы расступились, и впереди показалось двухэтажное здание, похожее на дворянское имение. Здание окружали приземистые хозяйственные постройки, а проезд к нему перегораживал шлагбаум.

Откуда-то издалека услужливый ветер принес грохот ружейного залпа: у палачей урочища Козьи Горы начался рабочий день.

1

Револьвер и бомба – в тайнике…

Иван Хлыстов всей душой ненавидел людей. Невозможно было найти во Вселенной что-то еще, что вызывало бы в нем столь всепоглощающее темное чувство.

…в тайнике под колодой на заднем дворе…

Он заразился ненавистью к себе подобным, когда жил в мире дворян и жандармов. После двух лет, проведенных в ржавых пустошах, болезнь завладела им полностью.

Новая коварная земля таила в себе сонм опасностей. Хлыстову доводилось сталкиваться с тварями, уродливыми, как Сатана, и как Сатана же злобными. Мохнатые, многоглазые вурдалаки с головами, похожими на больших блестящих жуков… Металлические пауки, убивающие светящимися нитями… Исполинские химеры без лиц… Теперь его ничем не испугать.

…Он пройдет по Приютской, свернет на Дворянскую. У клуба, в котором собираются пузатые «благородия», постоит под каштанами. Раскланяется со швейцаром, затем пристрелит его. Войдет внутрь, как к себе домой, и рванет бомбу… Теперь его не остановить.

Только люди куда хуже этих безобразных тварей. Здесь люди убивают, зачастую исподтишка, и едят других людей. Здесь никому нельзя верить, здесь нужно остерегаться всего и каждого.

Вот – трое бредут по щебнистому склону пригорка. Ветер – владыка пустошей – треплет форменную одежду. Моряки?.. Иван Хлыстов лежит, упираясь локтями в жесткую подстилку из охряного мха, и в бинокль рассматривает незваных гостей. Ухоженная винтовка с примкнутым штыком у него всегда под рукой.

Пришельцы вооружены, злы и бородаты. Голод заставляет их рыскать по пустошам, пересекать немыслимые порой пространства. Они – акулы пустыни. Жрут всё, что попадется на глаза. Нет, они куда опаснее акул! Акульей ненасытности пошла в услужение человечья смекалка. И не стоит забывать об оружии.

Долго заживали на теле раны после одной памятной встречи. Ему выпало суровое испытание: который день он брел по мерзлой пустыне, не надеясь достичь края. Ни воды, ни еды, только колючие ветки перекати-поля, похожие на мотки медной проволоки, безучастно проносились мимо. И вот на горизонте возникли человеческие фигурки. «Братцы!» – закричал он, спеша навстречу незнакомцам. Он по-прежнему ненавидел людей. Но он нуждался в помощи и умел здорово притворяться.

Их было четверо. Они вцепились в него зубами, точно одичавшие псы, они рвали его: живого, сбитого с толку.

Потом он убил их. Разжился водой и… хе-х! – едой. Но раны заживали очень долго. Он думал, что подохнет от чертовых ран.

И этих троих он прикончит не моргнув. Подпустит ближе и из укрытия угостит свинцом. Он ведь успел отправить к дьяволу многих. И там, и здесь – где бы это здесь не находилось. Перед вратами ада выстроилась длинная очередь: уездные дворяне и их прихлебатели, жандармы, бандиты с большой дороги, задиристые гимназисты, завсегдатаи кабаков и трактиров. Он привык смотреть на мир сквозь прицел. Он привык продлевать жизнь себе, забирая чужие жизни. Такой суровый рецепт выписала ему хромая судьба.

Трое остановились, видно, что-то учуяли. А может, всего лишь решили полюбоваться его – его!!! – оазисом издали.

Револьвер и бомба в тайнике…

Бомбу бы сюда. Взлетели бы к рыжим небесам потроха назойливых бродяг!..

А оазис со стороны смотрелся заманчиво: кожистые деревья стоят стволом к стволу, висит туман над уродливыми кронами. Покачивается спелая ягода на кустарниках. Съешь одну такую, и целый день – будто теплого вина напился. Слышно, как журчит вода и как щелкают, перекликаясь, невидимые птахи. В этом похожем на мираж месте любой выходец из пустоши потеряет голову, кинется, позабыв об осторожности, под сень похожих на куриные лапы деревьев.

И нарвется грудью на штык винтовки Хлыстова.

Хозяин оазиса бдительно охраняет владения. От разномастных тварей, от механических отродий, но пуще всего от распроклятых людей.

Если возле щебнистого склона начать копать похожий на ржавчину грунт, то обнаружатся косточки, кости и костомахи. Какие-то железяки: оружие ли? амуниция?

Он скрупулезно очищал оазис от постороннего хлама. Он не нуждался в лишнем; он был богат, потому что ему хватало малого. Воду, еду и тепло даровали оазис и прилегающая пустошь. Одиночество… Впрочем, одиночество казалось ему благом.

Моряки подошли достаточно близко. Сияют три пары глаз, слышится довольное бормотание. Двое разводят руками, словно рыбаки уловом хвастают. Словно собираются заключить его – его! – оазис в объятья. А третий и вовсе сунул под мышки большие пальцы и давай приплясывать.

Грянул выстрел. Белая форменка плясуна мгновенно напиталась кровью: Хлыстов угодил ему точно в преисполненное радостью сердце. Мгновенно передернул затвор и взял на мушку следующего. Палец замер на спусковом крючке: моряки отреагировали незамедлительно; на сей раз, видимо, на оазис набрели тертые калачи. Первый бросился на землю и в падении выхватил револьвер. Второй кинулся обратно, к склону. На его-то долю и пришлась следующая пуля. Схватившись за зад, он покатился по щебню.

Вновь клацнул затвор, черный зрачок дула принялся выискивать новую цель, но последняя мишень оказалась «с огоньком». Моряк крякнул, перекатился и оказался за похожим на гнилой зуб камнем.

– Чего палишь-то, дура?! – фальцетом выкрикнул он из-за укрытия.

Хлыстов ждал. Он мог часами лежать на холодной земле, прикипев к винтовке, не спуская глаз с места, откуда должна появиться жертва: словно кот у мышиной норы. Поднималась и опускалась от размеренного дыхания широкая спина, указательный палец свободно лежал на спусковом крючке; бледное, слегка одутловатое лицо было безмятежно. Хлыстов будто бы спал с открытыми глазами. Он не моргал, не шевелился.

– Эй! Откликнись! – не унимался моряк. – Ты слышишь, человече?

Его раненный в зад приятель карабкался вверх по склону, оставляя за собой кровавый след. Жадные до влаги мхи поглощали эту невесть откуда взявшуюся до сезона дождей жидкость, разрастаясь на глазах и наливаясь солнечной желтизной.

– Послушай, брат! Мы не со злом пришли, Христом святым клянусь! – увещевал моряк. – У нас есть еда! Да, у нас много еды!

Как бы не так! Врите, но не завирайтесь! Хлыстов нацелился на раненого, – больно уж прытко тот карабкался вверх. Вот-вот уйдет. Нацелился, но в последний момент пожалел пулю. Снова перевел ствол на камень, за которым засел неутомимый говорун.

Ни черта у вас нет, бродяги! В этом мире только Иван Хлыстов по прозвищу Хлыст крепок и зажиточен. И делиться он ни с кем не собирается!

Эх, бомбу бы сюда!.. Бомбочку! Ту, что осталась в тайнике на заднем дворе каретного депо в Ак-Мечети. Ему так и не удалось забрать ее. Когда свечерело, он угодил в засаду.

– Мы – моряки! Балтийцы! Тьфу!.. Да отзовись же, сучий сын!!

Говорун не утерпел, высунулся из укрытия. Трижды пальнул из револьвера «в молоко» и снова юркнул за камень.

Хлыстов не пошевелился.

Напитавшийся жидкостью мох выпустил гибкие усики. Кончики усиков стали утолщаться, превращаясь в рыхлые кругляши. Раненый почти добрался до вершины склона. Вот-вот перевалит за него и скроется с глаз. Не беда – дальше пустошь, а с пулей пониже спины далеко не уйдешь.

Через некоторое время моряк опять подал голос:

– Ладно, брат! Ты, это… зла не держи. Это я так пальнул… Невры худые! – Смекнул, небось, что вечно сидеть в укрытии ему невыгодно. – Ну, пошалили и будет! Я тоже зла на тебя держать не стану. – Он осторожно высунулся из-за камня. Руки держал поднятыми вверх, но пистолет не выпустил. – Выходи, брат, поговорим! Зря ты в ребят пострелял. Сашей меня кличут…

– А меня – Ванюшей, – шепнул Хлыстов и спустил курок.

Затем, не видя смысла таиться дальше, откинул изобретенную им же маскировочную сеть, вылез из окопа и двинулся к склону. Задержался возле нового знакомца, возле Саши, чтобы подобрать ненужный покойнику револьвер.

Почуяв движение, мох принялся выпускать из кругляшей на усиках споры. Затрещало, захлопало. До самых небес взметнулись струи мелкой пыли охряного цвета. Хлыстов прошел сквозь пахнущее цвелью марево, в два счета одолел подъем.

Уже слышалось хриплое дыхание раненого. Как и следовало ожидать, тот далеко не убежал. Осталось насадить незваного гостя на штык, словно форель на острогу. Избавить морячка от мучений, а потом идти ужинать. Сегодня он съест хвостатую лягушку из местного озера, запеченную на углях. На десерт полакомится сухарем с кусочком сахара. У него есть всё, что необходимо для жизни. В этой пустыне он – фараон.

Преследуемый охнул. Позабыв о ране, кубарем покатился по обратной стороне склона. Хлыстов не успел даже чертыхнуться: около самого уха взвизгнуло, следом донесся раскатистый, точно гром, звук выстрела. Он упал на бок, распластался на гребне кручи, прижав верную «мосинку» к груди. Второй выстрел не заставил себя ждать. Чиркнула по камням пуля, зашуршал, осыпаясь, щебень. С другой стороны пригорка Хлыстов успел заметить людей в белых форменках.

Еще двое! Тоже военные моряки… И совсем не похожи на обычных полоумных бродяг, которых по двое, по трое, как перекати-поле, приносит ветром к его оазису. У него появился организованный враг?

Точно так же, как и раненый моряк, он скатился вниз, но на свою сторону. Тремя прыжками достиг окопа, впрыгнул в него и сразу развернулся, готовый отразить нападение.

Склон был пуст. Он повел стволом винтовки туда-сюда. Чутье говорило, что эти не попрут сломя голову. Эти попытаются взять его умением и хитростью. Волки позорные!

Он набросил на себя маскировочную сеть и притих. Время шло, ветер гнал по небу рыжие тучи. Изредка Хлыстов приподнимал голову и нюхал воздух,

раздувая и без того большие, словно пещеры, ноздри.

Потом он взошел на пригорок. Очередной закат набухал болезненной краснотой на горизонте. В пустоши не было ни души: лишь тени, ветер и перекати-поле. Цепочка кровавых пятен подсказывала направление, в котором отступили моряки. Он слегка удивился: гости забрали с собой раненого! Вопреки местной акульей традиции добивать и пожирать слабейших.

Означает ли сие, что неподалеку появился лагерь людей?

Что ж, с сердобольными морячками во фланелевых рубахах воевать будет непросто. Но мир ржавых пустошей преобразил его, наделив особыми умениями: к примеру, он всегда чует, когда кто-то норовит приблизиться к оазису. Так что врасплох его простому смертному не застать. А стрелять без промаху он научился еще в нежном возрасте.

Эх, бомбу бы сюда. Бомбочку из тайника на заднем дворе каретного депо…

* * *

Что это? Шаги?.. Вроде кто-то быстро вошел в пещеру… повозился у дальней стены… и выскользнул обратно.

Кто-кто… Только один человек способен ступать столь уверенно и легко. Она узнает его шаги в толпе, – даже если с завязанными глазами окажется посреди Арбата.

– Петруша!.. – позвала баронесса Ева Беккер. Морщась от боли в щиколотках и коленях, она поднялась на ноги. Прикоснулась руками к холодной скале, потянулась вверх, не заметив, что шуба сорвалась с плеч и упала на землю. Крупные капли воды струились по камням; черные изломы нависали над баронессой, скалы обступали хрупкую фигурку со всех сторон. Скалы не позволяли ей сбежать, скалы держали ее мертвой хваткой, выдавливая из груди воздух.

Или ей послышались шаги? Ведь сегодня снова стреляли неподалеку. Быть может, кара божья свершилась – ее мучитель и благодетель остался в пустыне с

простреленной головой? Сколько раз сама молила, заклинала, срывая голос, небеса…

В груди неожиданно похолодело: если так, то ей не суждено пережить своего палача.

– Петруша! – снова позвала баронесса. Зрение в последнее время частенько подводило ее. Воспаленные глаза видели лишь серый круг: горловину той ямы, в которой она томится… сколько? Год? Больше? Она давно потеряла счет дням. Она – что муха в янтаре. Благородная пленница страшного человека – хладнокровного убийцы, сумасшедшего. Королева салонов Петербурга, Вены, Берлина и родного Данцига в руках мужика, получившего в этом странном месте подобие власти.

Там наверху была пещера. А в глубине пещеры скрывалась яма – провал, скорее естественного происхождения, чем рукотворного. Этот сумасшедший вряд ли стал бы рыть ради нее землю и ворочать глыбы. Он вообще очень рационален для душевнобольного.

– Петруша!.. – Она перегнулась пополам, надсадно кашляя. Опустилась на сырую землю, нащупала шубу и укуталась. С каждым днем… Нет! С каждым вздохом она чувствовала себя хуже и хуже. Жизнь вытекала из нее, впитывалась в темные и холодные скалы.

– Изверг окаянный! Чтоб ты сдох, отродье!

Она почему-то думала, что мужчина, пленивший ее, – немой. Наверное, оттого, что тот до сих пор не сказал ей ни слова. Ходит сам себе на уме. Вечно мрачный, злой, как собака. Она называла его Петрушей (нужно же было к нему хоть как-то обращаться?), но чаще – сукиным сыном и грязной свиньей.

Зачем она понадобилась бледному дураку с разящей без промаха винтовкой, баронесса до сих пор не могла взять в толк. Как женщиной он ею не интересовался. Держал в яме, кормил, время от времени выпускал на прогулку. Скорее всего, Петруше просто-напросто было в радость унижать несчастную дворянку; он безмолвно радовался, глядя на нее, сидящую в потемках, жалкую и заплаканную.

Дни плена текли изнурительно долго. Еве пришлось не раз пересмотреть свои жизненные ценности. В конце концов она пришла к согласию с собой и решила, что будет согревать его по ночам… но Петруша жестко пресек все неловкие попытки сблизиться. Наверное, понимал, что при первой оказии баронесса располосует ему горло и сбежит в пустыню. Или даже останется здесь, в его оазисе. Ведь, если Петруша погибнет, кого тогда ей бояться?

…Но сейчас баронесса сидит в яме, из которой без чужой помощи не выбраться. И не дай бог что-то случится с ее мучителем – тогда она останется в каменном мешке навечно. А жить, вопреки обстоятельствам, так хочется. Несмотря на кашель, несмотря на резь в промежности, на неуемную ломоту в костях и слезящиеся, подслеповатые глаза.

– Петрушка!!!

Она страстно желала обругать мужика так, как ругаются обычно ямщики на многолюдных улицах. Как ругал матросов подвыпивший капрал (она слышала!) на «Князе Пожарском» в тот мистический вечер. Увы! Не была обучена сквернословить, как простолюдинка. Вот ее благочестивая матушка могла обложить всякого без зазрения совести, да жаль – далеко она нынче. Наверняка все глаза успела выплакать по пропавшей без вести дочери.

– Ну что же ты, ирод?! Жив хотя бы? Или дух испустил?

Что-то мягкое упало баронессе на голову, скользнуло по груди, свернулось у ног в кольцо. На ощупь (ах, беда с глазами!) поняла, что это веревка. Ева смахнула слезы, которые оказались почему-то клейкими и густыми; сердце ее затрепетало. Она намотала веревку на запястье, сделала петлю и всунула внутрь локоть. Веревка натянулась, баронесса уперлась ногами, на которых красовались почти полностью сохранившие вид сапожки, в неровную стену.

Меньше чем через минуту она стояла под сводом пещеры: Петруша, как и большинство хворых на голову, силой обижен не был. Да и исхудала она сильно; весила, точно дитя.

– Чего уставился? – буркнула Ева, боясь повысить голос на своего господина, на своего немого божка. – Корми, раз достал на свет игрушку!

Петруша застыл истуканом. Бессмысленный взгляд голубых глаз, точно у курильщика опия… Низкорослый, с широкой грудью, длиннющими руками и ногами колесом, стриженный под горшок, с толстыми губами, курносым носом и низким лбом… Каждая черта этого загадочного человека навсегда врезалась ей в память. Ева даже видела его во снах. Например, в таких, где Петруша спускается в яму по веревке, а спустившись, принимается душить ее, выпячивая от усердия губы и кряхтя. И тогда она просыпалась от жуткого кашля.

Баронессе Беккер было невдомек, что Иван Хлыстов, которого она упорно называла Петрушей, – мастак притворяться.

…Он запекал на углях хвостатых лягушек. О, что за смрад стоял над оазисом! Как-то давно баронесса собрала остатки мужества в кулак и отведала мяса несчастного земноводного. После этого досадного случая маялась животом два дня и две ночи, проклиная себя за неосмотрительность.

Петруша же ел лягушат, точно пряники, целиком, с почерневшей шкуркой и костями. Он сосредоточенно двигал чрезмерно развитыми челюстями, оглашая окрестности хрустом перемалываемых косточек.

Баронессу он кормил тушенкой, сухарями, а иногда подгнившими овощами. Изредка баловал сахарком. Щедростью не блистал, но голодом не морил. Столоваться лягушками не принуждал. Жадно поглощая скудный паек, она всякий раз гадала – сколько еще Петруша будет нянчиться с ней, как с живой куклой? Не случится ли так, что однажды она наскучит и сей непредсказуемый безумец свернет ей голову, как свернул когда-то головы Стасю и Франтишеку?

Где он брал консервы и овощи? Иногда она несколько дней кряду просиживала в яме, не слыша его шагов. Быть может, он ходил в пустыню? Ева давно поняла, что в загадочной стране, где ей довелось очутиться, еда – едва ли не самая большая ценность. И ничто не стоит здесь так дешево, как человеческая жизнь.

Под кожистыми деревьями – бледно-желтыми и похожими на тянущиеся к небу куриные лапы – почва была скорее темно-коричневой, чем ржавой. Там виднелись несколько кривых грядок. Петруша упорно сажал лук. Лук почему-то прорастал у него хилый, а на вкус – горький, как полынь. Есть его было решительно невозможно.

За что бог разгневался на эту землю? Зачем запретил здесь овощи и фрукты? Зачем запретил птицам и зверю показываться на отлученной территории? Зачем населил ее уродливыми, искаженными формами жизни?

Ева, опасливо озираясь на Петрушу, отошла к деревьям. Прикоснулась к одному, ко второму… Кора была теплой, от прикосновения баронессы по стволам пробегала едва заметная дрожь. Дрожь передавалась в заостренные пальцы-ветви. Отзывалась шепотом в золотистой, завивающейся спиралями листве. Она привыкла к этим ни то растениям, ни то животным. Со временем они даже стали ей немного симпатичны. Уж лучше прижаться грудью к теплой и отзывчивой коре, чем к мокрой скале, которая пьет из нее жизнь крупными глотками.

Одна, совсем одна. И слезы текут по бледным щекам горячими дорожками. Одна рядом с помешанным убийцей. Никто не защитит ее, никто не заслонит собой, когда немому выродку стукнет в голову убить ее.

…В сердце оазиса шуба совсем не нужна.

Клубится туман над озером. Точнее, не туман это вовсе, а пар. Если заплыть на середину озера, то можно ошпариться. А у берега вода теплая-теплая, словно в ванной.

– Я искупаюсь. Можно?

Молчит окаянный. Прихлебывает кипяток из жестяной кружки, поглаживает приклад неразлучной винтовки. За его спиной вздымается черная башня. Это скала у озера. Под грязными, омерзительными на вид сетями (где он только раздобыл такие?) скрыт вход в пещеру. В его звериное логово.

Она отошла от костра подальше и стала раздеваться. Петруша глядел на силуэт баронессы и одновременно сквозь нее. Выражение на одутловатом лице не изменилось ни на йоту.

Ева легла в теплую воду. Закрыла глаза, ощущая, как очищается от скверны, которой напиталась ее плоть за день, проведенный в яме. Боль, наконец, отпустила: перестала терзать суставы.

Со всех сторон слышались шлепки: это хвостатые лягухи спешили удалиться от нее на безопасное расстояние. Баронесса перевернулась на спину, прищурилась. В ночном небе сияли яркие звезды, луна как всегда не показывалась. Вокруг мерно колышущаяся, теплая чернота. Шуршал трубчатый тростник у берега, что-то сонно ухало среди крон.

Прошло несколько минут, и Ева закрыла глаза. Позволила воде сомкнуться над головой. Ноги погрузились в мягкий ил, длинные волосы разметались, точно водоросли, повинуясь ленивому течению.

Что же мешает ей в сию секунду прекратить муки плена? Избавиться от опостылевшего страха? Всего-то нужно набрать полную грудь этой баюкающей, похожей на материнские воды, жидкости.

Через миг она вынырнула, подняв тучу брызг. Принялась надсадно кашлять и отплевываться. Побрела, согнувшись, к берегу. Возле самой кромки не удержалась на ногах и упала. Снова поднялась и, рыдая, выползла на скользкие камни.

Петруша оказался тут как тут: с пренебрежением бросил вместо полотенца белую, провонявшую потом, рубаху. Ева стала быстро вытираться. В тусклом свете костра она не заметила, что ворот рубахи испачкан засохшей кровью.

– Что ты от меня хочешь?! – кричала она, когда оделась и убедилась, что ее собираются снова спустить в яму. – Зачем я тебе сдалась? Отпусти или убей! Нет сил, понимаешь?! Нет сил терпеть тебя!..

Эхо летучей мышью металось под сводами пещеры, не желая утихомириваться. Но ни один мускул не дрогнул на лице палача. Жестом он приказал баронессе завязать на руках веревку. Быть может, Петруша был не только нем, но еще и глух?

Из ямы разило холодом и нечистотами. Ева затравленно взглянула под ноги, в темноту.

– Я прошу тебя! – взмолилась она, падая на колени. – Сжалься, милый! Я умру в этой могиле! Если ты хочешь, чтобы меня не стало, просто убей, но не мучай!

Упрямый Петруша ткнул пальцем вниз.

– Убей меня! – вдруг заорала баронесса. Рывком поднялась с колен и закричала, брызжа слюной в неподвижное, как у мертвяка, лицо. – Тебе же, негодяй, это ничего не стоит! Слышишь, немая скотина! Убей! Убей!! – Она не удержалась: изо всех сил ударила его по щеке. Врезала так, что едва не отнялась рука. Так, что его голова мотнулась, словно у тряпичной куклы.

Затем Ева присела на корточки и заскулила, прижимая отбитую кисть к животу. А он тем временем завязал вокруг ее плеч веревочные петли. Всякий раз, когда этот человек наклонялся, ее обдавало резким запахом. И пахло от него как-то не так, как должно было пахнуть от здорового, но не очень чистоплотного мужика. Какой-то химией пахло, какой-то аптекой.

2

…Однажды он понял, что передвигаться по пустоши стало безопаснее. Не то чтобы бабочкой порхать по пологим сопкам, забыв об осторожности, но все-таки. Не заревет в небесах стальной ястреб, выслеживающий беглецов, не погонится за тобой стремительная тень небесного охотника. Не кинется наперерез механический паук высотою с лошадь.

С остальными – мелкими бродячими шайками людей и нелюдей, – само собой, полагалось держать нос по ветру. Но встреча с ними на открытой местности не сулила непременную гибель.

Хлыстов шел через пустошь на северо-восток; гулко топали по щебню добрые сапоги, ветер играл полами черного макинтоша, тер плечо ремень винтовки. Похожие на пещеры ноздри жадно ловили воздух, но не чуяли ничего живого на расстоянии миль.

Иногда Хлыстова посещали неожиданные мысли. Например, временами казалось, что вместо сердца ему приживили мохнатого паука-птицелова и что в момент опасности этот паучок принимается быстро-быстро перебирать лапками, наделяя нескладное тело Хлыстова нечеловеческой скоростью и реакцией.

Сейчас же «паучок» ритмично сжимал-разжимал лапы, и шаг Хлыстова был ладен и быстр. Ни единого лишнего движения; он несся вперед, пожирая мили, словно механизм, словно самодвижущаяся коляска.

Умом Хлыстов понимал, что всё это вздор. Что он таким уродился: локомотивом, несущимся напролом, языческим божком, запертым внутри мускулистой оболочки. Что темное, многоногое создание, угнездившееся под ребрами, не более чем вымысел. Навязчивый образ, застарелый детский страшок. И тогда «паучок», сидящий в груди, мстил за неверие, дергая за особенно чувствительный нерв.

Наконец ветер донес запахи нагретого солнцем железа, гнили и мазута. Хлыстов поднес к глазам бинокль. Темное пятно на горизонте превратилось в лежащий на боку океанский корабль.

Он был у цели.

Неподалеку от корабля виднелось нечто геометрически правильное, похожее на железнодорожный вагон. Возле «вагона» наметанный глаз Хлыстова уловил движение. «Паучок» в груди сначала зачастил лапками, а затем замер, расслабившись. Хлыстов узнал своих коллег-мусорщиков: существа, похожие на прямоходящих свиней девятифутового роста, обследовали свой корабль в поисках… В поисках того, что было им необходимо для выживания в мире ржавых песков.

Узнав Хлыстова, нелюди принялись повизгивать и недобро посмеиваться, будто стая гиен. Эти создания всегда были чересчур эмоциональны. Хлыстов сделал вид, будто их вглухую не замечает: пусть грабят свое корыто и не суют рыла в его дела.

Вскоре громада мертвого корабля заслонила его от чужаков.

Три мачты упирались в грунт, словно костыли, вынужденные удерживать в неестественном положении искалеченного титана. Покрашенные красной краской гребные винты смотрели в небо. Вокруг надстроек валялся кучами мусор и обломки рангоута. В разверстых люках чернела неподвижная тьма.

Хлыстов остановился, когда до нужного люка оставалось шагов двадцать. Дернулись и затрепетали широкие ноздри: что-то было не так. Воображаемый «паучок» сейчас же забегал по воображаемой паутине. Хлыстов почувствовал волнительную маету и понял, что придется драться. Он наклонился, мазнул пальцем по серому пятну на ржавом песке. Задумчиво понюхал намочившую подушечку слизь.

Зашипело и зашевелилось в присыпанных песком вантах. Выползла из норы серая личинка крысы-человека. Сама маленькая – не больше кошки, – без рук, без ног, без глаз, а зубами клацает, словно кузнечными клещами. Точно полагает, будто справится с человеком без чужой помощи.

И подмога не заставила себя ждать. Отвратительные трутни, отдаленно похожие на старых, истощенных людей, выползли из темноты нижних люков. Передвигаясь своим обычным способом – на четвереньках, они выбрались из корабля. Расселись рядом с рвущейся в бой личинкой. Но настроение у трутней было не столь боевое, как у отчаянного детеныша. Выглядели они скорее удрученными, чем воинственными. Хлыстов знал, что прежние хозяева мира ржавых пустошей натаскивали крыс-людей на таких, как он. Крысы-люди управлялись с рабами-людьми, словно овчарки с отарой. Только во время неожиданного исхода не всем преданным слугам повезло уйти с хозяевами. Нынче брошенные крысы-люди скитаются по пустошам, и живется им не лучше и не хуже, чем остальным.

Они перестали быть дерзкими, им пришлось научиться осторожности. Тем более рядом с людьми. Да-да, у многих на спинах поблескивали металлические кольца, к которым давным-давно крепились поводки. Эти трутни принадлежали к старому поколению, следовательно, хорошо помнили, какими беспощадными и мстительными могут быть люди.

– Эй! – гаркнул Хлыстов. – Корабль – мой! Я первый его нашел! Пошли вон!!

Язык лениво ворочался в полости рта: Хлыстов давно ни с кем не говорил так громко и так… долго. Слова получались тягучими, картавыми. Крысы-люди озадаченно притихли.

Он и в самом деле ходил сюда больше года: наведывался один раз в две-три недели. Огромное судно с трюмами, набитыми сахарным песком, снабжало его

всем необходимым. Еда, одежда, оружие, утварь, свечи и керосин – всякий раз, когда он отправлялся в обратный путь, его заплечный мешок трещал по швам от тяжести. И никаких крыс-людей в окрестностях он не встречал. Никак выбрали корабль для гнездовья совсем недавно, вот уже появились на свет первые личинки.

Ему было чертовски жаль тратить патроны…

Крысы-люди подобрались и тревожно заворчали, когда он отвел назад полы макинтоша и положил ладони на рукояти револьверов. Оглушительно пискнула личинка и истово защелкала зубками.

…тем более что они не думали нападать. Но не отдавать же корабль кому попало! Не оставлять же за спиной свору, способную в мгновение ока разобрать тебя по косточкам!

Бомбу бы сюда! Ту бомбу, которой ему так не хватает! Ту самую, забытую на заднем дворе каретного депо утопающей в тополином пухе Ак-Мечети!..

Он взвел курки. Самый старый крыса-человек – несомненно, вожак прайда – кинулся вперед. Но и этот не посмел напасть! Завертелся на месте, захрипел, роняя на песок тяжи клейкой слюны. В действиях крысы-человека определенно был какой-то смысл, даже в хрипах его проскальзывало что-то знакомое.

«Паучок» в груди засучил лапками с невиданной прытью, и Хлыстов выхватил из-за пояса револьверы.

Первая пуля сразила вожака прайда. Крысы-люди брызнули врассыпную. За первым выстрелом последовал второй, затем еще и еще. Хлыстов жал на спусковые крючки так быстро, что казалось, будто в обломках рангоута мертвого корабля грохочет пулемет. И после каждого выстрела на песке замирало очередное скрюченное, похожее на человека создание.

Барабаны опустели. Он отбросил револьверы в стороны, в одном движении сдернул с плеча винтовку и прицелился. Два крыса-человека мчали со всех ног в пустошь. Звенели железные кольца, вросшие им в лопатки. Это были матерые трутни, пережившие восстание людей и предательство хозяев. Каждым прыжком они покрывали расстояние в два своих корпуса.

Грянул винтовочный выстрел – тяжеловесный, звенящий металлом, за ним – второй. Пустыня замерла; едва заметно струился песок над каменистой поверхностью, хохотали возле своего корабля-вагона свинорылые нелюди. Через секунду грянуло в третий раз: пьянящая волна азарта накрыла Хлыстова с головой, и он не удержался – снес последним метким выстрелом зубастую голову осточертевшей личинке. «Паучок» не мог угомониться, скакал в центре паутины нервных путей, точно бешеный. Кровь крыс-людей выглядела на фоне рыжего песка черной смолой. Черная смола застыла в зрачках человека в макинтоше и с дымящейся винтовкой в напряженных руках. Он шагнул вперед…

Ближний люк преграждало массивное тело. Толстый, словно тюлень, крыса-человек с мечевидным яйцекладом возился в проеме. Безмозглое создание не могло взять в толк, как ему следует поступить: спрятаться в глубине темных коридоров или же поспешить в пустошь следом за трутнями. Оно глядело на Хлыстова бараньими глазами, пускало слюни и жалобно хныкало.

А Хлыстову было жаль только патроны, которые он собирал один к одному и складывал в укромном месте в пещере. И больше ничего. И никого.

* * *

Обратный путь всегда кажется короче.

Он шел день и шел ночь. Привалов не делал, пил на ходу воду. В заплечном мешке позвякивали жестяные банки с тушенкой и сливочным маслом. Перед рассветом ветер донес знакомые запахи мускуса, цвели и озера: оазис ждал его за ближней грядой холмов. Тогда он остановился, поправил на голове найденную среди вещей пассажиров широкополую шляпу. В чистом небе сияли звезды, самые непоседливые из них беззвучно срывались с мест и стремглав скатывались за горизонт. Ветер сгинул; казалось, пустошь замерла в ожидании чего-то, что должно было вот-вот случиться.

Хлыстов любил повалять дурака, разглядывая звезды. Как и всякий злодей он иногда становился сентиментальным. Ведь когда-то это было его работой – смотреть на звезды. Благодаря незаурядной усидчивости и наблюдательности его приняли на оклад в обсерваторию Мальцева. В Симеизе он задержался на три сезона. Лето, осень и зиму вел преимущественно ночной образ жизни, сидел

в башне, слушал шелест близкого моря и зарисовывал положение светил.

Тогда он понял, что одиночество – это благо.

Здесь же не было ни ковшей Медведиц, ни трапеций Ориона, ни «дубль вэ» Кассиопеи. Единственное, что было знакомо, – это Млечный Путь, льющий на ночную пустыню рассеянный свет. Наверное, так и должно быть: новый мир, приютивший его пропащую душу, заслуживал абсолютно иного неба.

И он глядел вверх, когда сразу семь звезд сдвинулись с мест и поплыли по небосводу в разные стороны. Вскоре они стали вытягиваться, превращаясь в черточки, ощетинившиеся лучами бело-голубого света.

Хлыстов сжал ремень винтовки: ему вспомнились крылатые машины охотников на людей. Да-да, огни в небесах, дребезжащий вой… Его когда-то здорово погоняли по пустошам. Более того, когда-то его настигли. И тогда впервые в жизни, лежа под грудой тел крыс-людей, он с изумлением понял, что тоже может бояться! Он двинулся навстречу своему страху, вбирая его и пропуская через себя, опьяненный доселе неизведанным состоянием духа и сопричастностью к тайнам высших сил этого нового мира. Он прошел через муки и ужас, просочился через иголочное ушко. И совсем не удивился, когда, очнувшись однажды, обнаружил, что научный центр хозяев – охотников на людей – неожиданно вымер; что он один-одинешенек и вдобавок ко всему свободен.

Стало быть, ушедшие возвращаются?

В бинокль он увидел, как нечто нечеткое, червеобразное, извиваясь, ползет по небосклону вниз. Внутренний «паучок» сложил лапки и съежился в крошечный, словно голубиное сердце, комок. Тогда нечеловечески острое чутье подсказало Хлыстову, что медленный, неправильный звездопад никак не связан с прежними хозяевами. Что «паучок» не рад быть свидетелем этого чудного явления природы.

А бело-голубые искры в небесах сжались в алмазные точки, – поплыли прочь от земли, удаляясь. Пронеслось, закрывая звезды, пятно тусклого света – круглое, как будто блюдце. А за ним – еще и еще, через всё небо, подобно метеорам. Всполохнули зарницы: на севере, на юге… везде! Ожил таившийся до поры до

времени ветер. Засвистело над невысокими холмами, сыпануло в глаза колючей пылью. Затем тьма опустилась на пустошь. И казалась она необыкновенно плотной и непроглядной после свершившегося светопреставления.

Хлыстов сдвинул шляпу, почесал затылок. В новом мире слишком многое он принимал как данность: и свой изменившийся вес, и отсутствие привычной цивилизации, и соседство с непохожими на людей и прочих тварей божьих обитателями пустоши. Вот и теперь, не найдя объяснения огням в небе, не стал раздумывать понапрасну. Как, имея за плечами неоконченную церковно-приходскую школу, он мог делать выводы о сути явлений, происходящих в небесах? Никак не мог. В школе ему даже не объяснили, что означает «аллилуйя».

Он поднялся на холм. Оазис лежал перед ним, будто на ладони: темный, затянутый вечной дымкой лесистый островок. Как обычно среди крон что-то ухало, громко плескались в озере хвостатые лягушки.

Широкие ноздри втянули воздух и не уловили посторонних запахов. В его владениях было спокойно.

И он начал осторожно спускаться по егозливому щебню, как вдруг ветер переменился, подул в спину. Хлыстов отшатнулся: точно собирался перейти улицу, но в последний момент заметил несущийся «фаэтон» с пьяным кучером на козлах. Он резко развернулся, упал на одно колено, сдернул с плеча винтовку. Ноздри затрепетали, силясь распознать запахи незнакомых химикалий. «Паучок» зачастил лапками, готовя на всякий случай человеческое тело к бою.

Пустошь, которую он только что пересек, преобразилась.

Мерцала в нескольких верстах на северо-востоке колонна бледно-голубого света; уходила в небо, сужаясь ближе к вершине клином. В бинокль были видны четкие вертикальные борозды, покрывающие неохватный ствол. Тотчас ожили тени, – повинуясь ритмичному мерцанию, они волнами задвигались по равнине.

Час, не меньше, Хлыстов рассматривал объявившееся диво. Время текло, вокруг ничего не происходило. С одной стороны, световой столп казался эфемерным, точно призрак или мираж, с другой – внутри него явственно просматривалась

вполне материальная основа, завуалированная светом; кроме того, столп теперь отчетливо господствовал над прилегающей территорией. Постепенно до Хлыстова стали докатываться эманации всепоглощающей апатии (сквозила ли она в запахе химикалий или же он улавливал ее на интуитивном уровне), и тогда внутренний «паучок» угомонился. Хлыстов понял: то, что возникло в пустоши, безразлично к нему, к ржавым пескам, к первым лучам рассвета. Оно – как проявление стихии. А со стихией воевать бессмысленно.

Поэтому Хлыстов повесил «мосинку» на плечо. Развернулся, и был таков.

Когда рассвет занялся в полную силу, он уже крепко спал в своей норе под скалой у озера.

3

Хлыстов не жаловался на плохой сон.

Казалось бы, охраняя в одиночку столь обширные владения, он не имеет права смыкать глаз. Казалось бы, он обязан без отдыха двигаться вдоль условной границы оазиса, всматриваясь в продуваемые всеми ветрами просторы: не приближается ли кто? Но даже в таком случае проникнуть сюда мог кто угодно: один, как известно, в поле не воин.

Вот только спал он спокойно. Знал, что верный «паучок» под ребрами бдит день и ночь; что в случае тревоги мохнатенькие лапки, оканчивающиеся крючковатыми когтями, забегают по паутинкам нервных волокон, и тогда, словно по щучьему велению, прыгнет в руки пристрелянная «мосинка», а треклятый возмутитель спокойствия сам подставит грудь пуле.

Хлыстов спал с открытым ртом. Иногда он что-то бормотал, шамкал толстыми губами, шумно сглатывал, но затем снова затихал. В том, другом мире его сон не был таким крепким и безмятежным. В другом мире ему не снился океан серой первичной жижи, бурлящей под четырьмя щербатыми лунами. В старых снах он не гонялся за тучами фосфоресцирующего криля, широко распахнув восемь челюстей-лепестков. В другом мире он был всего лишь Ванькой Хлыстом –

неудачливым террористом, стриженным под горшок болваном, провалившим не слишком замысловатую акцию в провинциальном Симферополе. Бомба и револьвер остались под колодой на заднем дворе каретного депо, и наверняка какой-нибудь везунчик из тамошних трудяг по дороге в нужник уже отыскал тайник.

Теперь-то ему ясно, почему всё сорвалось в заснеженной тополиным пухом Ак-Мечети.

Потому что тогда он и «паучок» жили раздельно. Он – на юге Империи, а «паучок» – в мрачном океане под четырьмя лунами.

В полдень Хлыстов проснулся.

– Петруша, милый! – доносился из ямы осипший голос неугомонной пленницы. Скорее всего, она звала Хлыстова не в первый и даже не в десятый раз. – Мразь немая! Покажись же мне…

Он вышел из пещеры и принюхался. Воздух, обычно вкусно пахнущий озерной жизнью, стал другим. Даже в недоступном ветрам сердце оазиса ощущался чужеродный запах химикалий. Световой столп, объявившийся в пустоши, давал о себе знать на всю округу.

Хвостатые лягухи перестали плескаться и затаились, как будто перед песчаной бурей. Ничто не ухало среди ветвей неподвижных деревьев. Одинокая стрекоза, сверкая пятью парами крыльев, выплыла из тумана; за ней тянулось облако мелкой мошкары. Хлыстов взмахнул рукой и поймал стрекозу. Хрустнули, сминаясь, слюдяные крылышки. На дыхальцах, расположенных вдоль тела, вспенился липкий секрет. Хлыстов машинально сунул насекомое в рот и принялся жевать. Мошкара, лишившись флагмана, удрученно жужжала над головой хозяина оазиса.

Стрекоза сильно кислила. Это означало, что в ее брюшке накопилось достаточно соков и что она способна перелететь через пустошь.

Хлыстов чертыхнулся: он сложил два и два, и полученный результат ему не понравился. Маленький мир оазиса менялся. Невидимое движение ощущалось в воздухе, в воде и даже в солнечном свете. Преображение текло в абсолютном

безмолвии, спокойно и слаженно. Не было пробирающих до мозга костей эманаций страха, не было гнилостного запаха смерти – верных спутников приближающейся катастрофы. Словно кто-то тихой сапой повернул рычаг и запустил скрытый механизм всеобщей метаморфозы. Словно происходило всё согласно высшему замыслу.

Тогда он спустился к озеру.

Мелкая волна, как и вчера, точила черный базальт прибрежных глыб, успокаивающе шуршал трубчатый камыш. В воде стального цвета отразилось одутловатое лицо; жилистые руки погрузились в теплый ил. Несколько минут Хлыстов слепо шарил на мелкоте, не обращая внимания, что вода заливает за голенища сапог.

Когда Хлыстов вынул руки из ила, между ладонями у него темнел шар, облаченный в упругую мембрану. Он нашел, что искал. Вскрыл, не долго думая, мембрану и вновь ругнулся: под кожицей оказалась снулая хвостатая лягушка.

– Да что это вы?.. Столковались?..

Никто не учил его разбираться в повадках обитателей ржавого мира, да только отчетливо понял Хлыстов, зачем это хвостатая лягушка зарылась в ил и вырастила вокруг себя заполненный водою кокон. Пупырчатое создание готовилось к длительной засухе!

Деревья замолкли… стрекозы приготовились к перелету… лягушки ждут, когда пустыня сожрет оазис… Каждая живая тварь что-то там понимала, и лишь он – хозяин сих роскошных владений – впервые оставался не у дел.

Хлыстов забежал в пещеру за биноклем. «Петруша! – орала в исступлении пленница. – Не губи! Дай знак, что жив!»

– Револьвер и бомба… ждут в тайнике… на заднем дворе… – шептал он, взбираясь по щебню на возвышение между оазисом и пустошью.

Световой столп сгинул.

Над пустошью скучились пегие облака. Сквозь них пробивались лучи непривычного для глаз цвета, точно в вышине за дымчатой завесой скрывалось лиловое солнце. Причем лучи падали весьма избирательно и освещали ограниченную площадь. Внутри овала, на котором поместилось бы доброе поле пшеницы, возвышалось нечто, здорово похожее на мексиканский кактус-гигант. Как и его предшественнику – столпу света – лже-кактусу были присущи вертикальные борозды на стволе. Кроме того, имелись у него и редкие ветви, оканчивающиеся широченными листьями-ластами, а вершина подпирала те самые пегие облака. Возле этого дерева или… башни явно что-то происходило.

Хлыстов приник к окулярам бинокля. В груди его нарастал трепет: маленькому «паучку» с мохнатенькими лапками было боязно, но одновременно до смерти любопытно.

Что-то большое и неповоротливое топталось на дальней стороне отвоеванной у пустоши территории. Оно то появлялось, то исчезало из виду, скрываясь за загадочными полусферами, бог весть каким образом очутившимися здесь. Ну да черт с ним, с большим и неповоротливым, – Хлыстову приходилось видеть множество нелюдей, способных ошеломить размерами. Черт с ним! – ведь остальное было куда неожиданнее и интереснее.

Полусферы блистали отраженным светом, Хлыстов мысленно сравнил их с каплями росы, увеличенными до размеров деревенских изб, – такой, наверное, видят росу снующие в траве муравьи. Хлыстов не понимал, как и откуда могли появиться столь объемные и, несомненно, тяжелые предметы (или строения), за то время, пока он спал.

«Они ведь не грибы, чтобы из земли за одну ночь выпрыгнуть!»

А на ближней стороне из каменистого грунта торчали корявые ветви лиловых кораллов и довольно высокие мутно-белые друзы, напоминающие подтаявших снежных баб. Эти тоже появились неизвестно откуда, не иначе как из воздуха. Хлыстов прикинул, что кораллы ему по пояс, а друзы – на целый фут его выше. Над этой порослью в воздухе неподвижно висели полдюжины… бабочек! Бабочки тоже были лилово-серого цвета, и на обычных бабочек походили не больше, чем хвостатые лягушки – на лягушек, а десятикрылые стрекозы – на стрекоз. И размах крыльев у них – ого-го! Хлыстов представил, что такое «насекомое», если бы пожелало, то легко подняло бы человека над землей. Зазубренные вдоль краев крылья ритмично двигались вверх и вниз, – как

причудливые опахала они обдували кораллы и друзы, воздух над которыми дрожал, точно от печного жара.

В чужом и враждебном человеку мире ржавых пустошей пустил корни еще более причудливый и чужеродный мир. На грязно-рыжем полотне образовалась синяя, окантованная завесой дрожащего света, заплата. Цвета холодной части спектра, казалось, излучали враждебность…

Нет, нет, нет!!! Неправильно!

Хлыстов с шумом потянул носом воздух: не ощущал он недружелюбия или иного дурного настроя. Только монотонную апатию; равнодушие крестьянина, обреченного до конца своих дней окучивать репу. «Паучок» расслабленно пошевелил лапками, «паучок» уверился, что на его место в центре паутины пока не претендуют.

А Хлыстова неожиданно проняло. Хлыстов сел, задрал голову к небу, – оно оставалось чистым над оазисом. Хлыстов поерзал и расхохотался. От души расхохотался, до слезок на прищуренных глазах.

С одинаковой скукой, с тем же самым равнодушием, с каким накатывал Синий мир на Ржавую пустошь, нажимал на спусковой крючок он – террорист и хозяин единственного оазиса на тысячу верст окрест – Ванька Хлыст. Он был тоже – нечто вроде стихии, которую не предугадать и от которой не уберечься. Правый ли, виноватый ли – всё одно; так думалось ему на протяжении жизни. Если на пути твоем стоит человек, а в руках у тебя – револьвер, значит, бог уже решил за вас двоих, кому гореть, а кому песни петь.

Поэтому, сидя на остром щебне и хохоча, Хлыстов твердо знал, что Синие сомнут его без личной ненависти, без претензий на место под солнцем и без каких-либо угрызений совести. Сомнут его, сомнут разрозненные банды людей и нелюдей. В конце концов, ржавым пустошам придет конец. Повсюду воцарится чужеродная синь, а тишину наполнит шорох крыльев тысяч и тысяч исполинских бабочек, висящих над бескрайними полями лиловых кораллов.

* * *

Он выпустил пленницу на солнышко.

Ева без особой охоты поковырялась пальцами в банке с тушенкой, от сухарей отказалась вовсе. На белом лбу баронессы поблескивала испарина, на лице появились болезненные розовые пятна. Она то и дело кашляла и прижимала к груди полупрозрачные руки.

Хлыстов чистил револьверы и время от времени поглядывал на пленницу исподлобья. Та грела ладони над углями в костерке, что-то напевала сама себе на одной ноте, словно дряхлый акын. Плоха была барыня-сударыня. Тут и в воду глядеть не стоило, чтоб сказать, сколько ей осталось…

И зачем ему понадобилась эта на ладан дышащая аристократка?

Первоначально его замысел был простой. Косматые хозяева, державшие в кулаке страну ржавых песков, куда-то сгинули, и дышать стало свободнее. Он уже нашел оазис, нашел оружие, еду и утварь, обустроил пещерку. Оставалось только поймать в пустошах барышню помоложе да поздоровее, и зажил бы тогда он – Ванька Хлыст, террорист без рода и племени, – как король. Тут тебе и «наследственные» земли, и хоромы каменные, и какой-никакой, но род-приплод.

Разыскать женщину Хлыстову помог нос, который стал невероятно чувствительным. В лагере людей, разбитом у осушенного канала, маялась от безделья и голода плохо говорящая по-русски толпа. С толпою он разделался в два счета, единственную барышню приласкал по голове прикладом, перебросил через плечо и утащил в пустошь.

Но – увы! – семьи не получилось: в последний момент заупрямился тот самый «паучок». Почему-то тошно ему было от этой женщины, – то ли запах ее не понравился, то ли что-то еще не устроило. Хлыстов покружил вокруг младой дворянки, точно боров, затем махнул рукой и бросил ее в яму.

Отныне баронесса Беккер стала его заделом на будущее.

Придет «черный день», и он продаст пленницу либо обменяет на что-то нужное. Хлыстов всё продумал: в мире, где одежда, утварь и еда стоят дороже золота, молодая женщина почти бесценна. За нее он вправе требовать что душа пожелает.

А если уж совсем «припечет», то он ее сам… ножом по горлу, как овцу. Приходилось же когда-то потчеваться человечиной… Чего уж кривить душой… Да, не хотелось бы марать руки об ополоумевшую дворянку, только голод не тетка.

– Рабыня благодарит доброго массу за то, что позволил чернокожей девушке посидеть у костра, – проговорила баронесса бесцветным голосом. – Рабыня готова вернуться на плантацию…

Хлыстов все-таки вздрогнул. Не собирался, но поздно спохватился… и вздрогнул.

…Мертвый корабль лежит на боку, мачты упираются в рыжий грунт. Недовольные трутни выбираются из темных люков. Вот их вожак выходит вперед. «Мас-са!.. Мас-са!..» – хрипит он почти по-человечьи. Затем гремят выстрелы…

Он поднес револьвер к лицу. Из дула лился густой запах свежей смазки; едва-едва различался пороховой душок. Да, револьвер был славно пристрелян; сколько раз он помогал засевать бренную плоть чужаков свинцовыми семенами смерти.

– Куда мне теперь, Петрушка? В яму, да? Или масса позволит еще немного погреть косточки?

Не дождавшись ответа, Ева пожала плечами и поднялась на ноги. Побрела к озеру, поглядывая искоса на Хлыстова. Необычная синева, разлившаяся в небе на северо-востоке, просочилась сквозь ее внимание, словно вода через решето. Да и зачем ей было глядеть на небо? Ведь всё самое важное для нее находилось на земле.

Она сбросила с плеч шубу и, как по ступеням, спустилась по мокрым валунам к воде. Присела на крайнем, склонилась над своим отражением.

Озеро было необыкновенно тихим. Оно как будто затаилось.

Баронесса стала стирать. Чулки из темного шелка истончились до неприличной прозрачности, на пятках появились откровенные дыры. Но заменить их было

решительно нечем. Она бы попробовала починить, – хоть и не знала, как это делается, – но где взять иглу и нить? Петрушу лучше не просить, он и так глядит волком. Точно баронесса его томит в вонючей яме, а не наоборот.

– Я искупаюсь…

Он отложил револьверы, встряхнулся, словно пес. Подбросил в костер пару корявых веток перекатиполя. Прилег на бок и уставился на озеро отсутствующим взглядом. В теплом тумане сновала неясная фигурка, она напоминала Хлыстову трепетный огонек свечи: вот-вот погаснет на сквозняке.

Ева плескалась долго. Плавала вдоль берега туда-сюда. Отдыхала, лежа на спине; погружалась в воду с головой, «парила» ноги возле горячей середины озера. Она усердно оттягивала время возвращения в яму.

Потом что-то пошло не так. Чересчур громко забили по воде ладони, а брызги взлетели тучей и упали на берег.

Ева закричала:

– Тону! Мамочка!! Ой… – Она ушла под воду, вынырнула и забилась еще сильнее. – Петруша, спаси! Тону!!

Хлыстов пробурчал проклятья. Нехотя встал, сбежал по камням к озеру. Ева была уже у берега: она почти выбралась, но ноги почему-то не слушались ее.

– Помоги же! Ну!!!

Она снова упала и снова поднялась. Она задыхалась и рыдала в голос. Раскрасневшаяся, растрепанная, исходящая паром, жуткая и не похожая на саму себя.

Хлыстов, переборов приступ отвращения, протянул баронессе руку. Ева же быстро села, погрузившись в воду по плечи, и сунула пальцы в ил.

Секунду до того она еще колебалась. А вдруг не выйдет?.. А вдруг она сама подписывает себе приговор?.. Было понятно: безголосый Петруша не простит

задуманного и определенно не станет церемониться.

Но в этот тихий день баронесса совершенно отчаялась. И дырки на чулках – как бы это прозаично ни звучало – стали последним аргументом во внутреннем споре, который терзал ее на протяжении многих дней. Итак, она решилась.

Пальцы сомкнулись на чем-то твердом и округлом, скрытом под слоем ила. Она до сих пор понятия не имела, в чем заключалось ее спасение. Сердце отчаянно заколотилось, наполняя мышцы разгоряченной кровью. В тот же миг Ева прыгнула вперед. В ее руках белела массивная, в два локтя длиной, кость. Не долго думая, баронесса ударила своего палача.

Внутренний «паучок» вновь не сплоховал. Хлыстов проворно отпрянул. Обглоданный сустав размером с детскую голову промелькнул перед его чувствительным носом.

Баронесса поняла, что промахнулась. Завыла обреченно и зло. Сделала шаг, развернулась и замахнулась еще.

Упала!

Зашумело в ушах; в рот и нос хлынула теплая, как парное молоко, вода.

Сейчас он схватит. За длинные волосы или за шею. Потянет вверх – стриженный под горшок идиот ведь невероятно силен! – затем одним движением свернет ей голову.

Непременно брыкаться! Царапаться и кусаться! Бороться! Отбиваться!! Больше такого случая не будет!!!

Вновь на ногах! Клокочет в глотке вода… Ее оружие, ее первобытная дубина, описывает в воздухе дугу: баронесса готова ударить во второй раз, хотя почти ничего не видит.

…Хлыстов лежал на камнях, раскинув руки-ноги. Светло-русые волосы стали почему-то коричневыми. По темному в зеленоватых прожилках боку валуна в озеро стекали алые струйки: ни один «паучок» не в силах сделать поверхность

под твоими сапогами сухой…

Ева выпустила кость, пошатнулась. Теперь ноги действительно перестали слушаться. Вот незадача! Она поползла к берегу – к счастью, до него было рукой подать; она то и дело хлебала воду и кашляла каждую секунду.

Выбралась полуживая (или полумертвая), будто жертва кораблекрушения. Откашлялась, отдышалась, перевела дух. В оазисе царила тишина: ни уханья деревьев, ни возни хвостатых лягушек, только истово стучало сердце молодой баронессы.

Одна! Свободна!!

Трудно было поверить, что ее ночной и одновременно дневной кошмар валяется бездыханный. Распластался на скользких камнях – мешок с конским навозом! Мозги набекрень, на лице – оскал.

Его больше нет! Одна!..

…Бежать!!!

Грудь Хлыстова бурно вздымалась. Будто что-то настойчиво пыталось выбраться из-под засаленной рубахи. Он застонал, вернее заворчал, как медведь. Не открывая глаз, положил ладони на лоб. Пошевелился всем телом, пробуя привстать.

Ева прижала к побелевшим губам кулаки и завизжала так пронзительно, что по озерной глади прошла крупная рябь; так громко, что ее мучитель едва не потерял сознание снова. Кинулась от воды прочь, наверх, туда, где лежала ее одежда. С ходу всунула босую ногу в один сапог, потом во второй. Натянула шубу, торопливо скомкала остальное тряпье, прижала к груди…

Он шел следом за ней. Его руки были испачканы кровью, в глазах полыхал черный огонь. Рубиновые ручейки струились по жилистой шее и скатывались за ворот рубахи. Он пока не мог бежать, – даже быстрый шаг раненому зверю давался с превеликим трудом. Он продолжал глухо ворчать, он глядел на нее, не мигая.

Баронесса побежала что было мочи. Мимо замолчавших деревьев, через проволочные ветви кустарников, по пружинящей циновке охряных мхов. Капли воды срывались со спутанных волос, с впалого живота и быстрых ног. И не было никого, кто бы мог за нее заступиться. Никого, на много миль вокруг – только холодная пустыня; только два человека – жертва и преследователь. Последнее единоборство.

Или я, или он!

…Шаг за шагом, быстрее и быстрее. Прикоснулся к затылку: кровь перестала хлестать. Что ж, живы будем, пока не помрем. «Паучок» в груди бьется об ребра, что птица об клеть. Беги, человек! Беги за ней!!

Догони и прикончи!

…Взлетела, не чувствуя ног, на щебнистый пригорок. Бросилась вниз. Не глядя куда, наугад, прижимая к груди неудобный сверток влажной одежды. Ветер сунул под шубу холодные руки, безнаказанно ощупал мокрую спину. А позади уже слышится дробный топот подкованных каблуков.

Живуч же, песий сын!

Стелется однообразная долина, каменистая и рыжая. Спрятаться негде, негде укрыться. Пыльная бесконечность, замкнутая по кругу линией горизонта. И только сияет впереди необычная синева. Как будто ворота в другой мир открылись, как будто подсказывает кто-то, куда нужно уносить ноги.

…Он одолел подъем. С изумлением обнаружил, что барыня-сударыня сломя голову несется к Синим. А Синие… Ах, Синие! Что за пройдохи! Синий занавес мерцает уже под боком: и половины версты до него не будет. Очередной кусок, отрезанный от пустоши, пока лыс и гладок. Не успели прорасти на нем лиловые кораллы и белые кристаллы: видно, их время еще не пришло. Но серебрится щебень, освещенный чужим светом, – точно изморозью покрыт. И пегие тучи к оазису ближе придвинулись: тяжелые и грубо скроенные, словно вылепленные из холодного пара вручную.

Куда бежишь, дуреха? Разве не видишь, что они совсем другие?

Ева же мчала, ни о чем не думая. Как на крыльях летела баронесса навстречу загадочной синеве. Больные глаза служили ей дурную службу. Она видела лишь врата. А в проеме врат – смутные тени и контуры чего-то большого, чего-то, что ползло ей навстречу.

Не добежала до синевы. Не попала под лучи, сочащиеся из пегих туч. Шагов сто оставалось до границы, когда появились неожиданные ощущения. Громко затрещало в ушах, как это случается на горных перевалах. Дыхание сбилось, а подошвы как будто нарочно стали липнуть к земле. Тогда ей волей-неволей пришлось перейти на шаг. И всё же Ева с завидным упорством продвигалась вперед. Вперед – навстречу туманной громаде. Баронесса по-прежнему видела перед собой лишь серо-синий силуэт и не имела представления, чем бы он мог быть на самом деле. Окружающий мир с каждым ударом сердца становился более и более расплывчатым. Контуры дальних строений в глубине синего пространства и вовсе двоились, а то и троились. Потом появился зуд в зубах, нос наполнился теплой влагой. Она провела рукой по лицу и увидела на ладони кровь. Взых! – пронзила невидимая игла голову: это была острая боль, вроде приступа мигрени, и одновременно резкий звук в ушах.

Остановилась, качаясь от дурноты и слабости. Уронила бесполезную одежду. Зажала уши в тщетной надежде защититься от невидимых жал. Затравленно оглянулась, силясь разглядеть источник своих бед. Но увидела лишь тусклую тень, мчащую за ней след в след. Неожиданно поняла, что на этом – всё. Убежать не удалось! И тогда Ева подумала с неуместным злорадством, что Петруша останется с носом. Точнее, не с носом, а с ее безжизненным телом. Закончилась сказка суровой, в чем-то издевательской моралью: мол, ты росла в неге и богатстве, а сдохнешь больной, убогой клячей у черта на куличках, аминь.

И она упала. Но не на землю (вернее, не только на землю), но в черноту, поглотившую мир от горизонта до горизонта.

…Хлыстов учуял беду мгновенно. Чем ближе он подходил к владениям Синих, тем сильнее обжигало ноздри воздухом. Сверхчувствительный нос пылал, как будто Хлыстова заставили вдохнуть молотого перца.

У строптивой жертвы дела шли не лучше. Как же, как же: заплетаются ноги, а саму водит из стороны в сторону, словно хватившую лишнюю чарку потаскуху. А теперь и вовсе остановилась, упустила одежонку, зажала уши…

Неожиданно пустошь скакнула у него перед глазами. Подпрыгнула и раздвоилась лиловая линия горизонта. Хлыстов споткнулся и ошеломленно поглядел по сторонам. С пустошью было что-то не так. Или это с ним, с его глазами, было что-то не так. Всё, что его окружало, пошло какой-то рябью, исказилось, точно в кривом зеркале. Скорее всего, слишком уж крепко он приложился затылком об треклятые камни.

А девке-то совсем худо: на землю свалилась. Сейчас он ее достанет, всего-то осталось… К тому же горизонт вернулся на место, фокусы со зрением прекратились.

Тварь, застывшую на краю владений Синих, он старался не замечать. Тварь как будто колебалась: стоит ли выходить за пределы, очерченные занавесом из холодного света, в обычную пустошь. У твари был массивный костяной гребень за головой и пара огромных, лишенных век, но вполне человеческих глаз. Только со зрачками вышла какая-то путаница: в одном глазу их было два, а во втором – зачем-то сразу пять. И тварь неотрывно следила за прямоходящими млекопитающими, нависая над ними утесом могучих мышц и толстой кожи, а те без стеснения разыгрывали сцену со всеми земными страстями.

…Как же близко подобралась негодная сударыня-барыня к Синим! Небось, решила своим бабьим умишком, что примут они ее с распростертыми объятьями? Что приголубят, будто родную?

Взых!

Хлыстов упал на колени, схватился за голову.

Что за боль! Что за звук! Мурашки по коже… Нечто подобное он испытал однажды. Давным-давно. Когда медленно умирал от энцефалита на руках у матушки. Тогда была лихорадка, были бесчувствие и бред, наполненный визгом невидимых игл, снующих от уха к уху.

«Паучок» сердито дернулся, – он ничего не понимал. Хлыстов же не дал маху. Поднялся с колен и пошел вперед. Пригнувшись, будто навстречу урагану; с трудом переставляя ноги, обутые в тяжеленные сапоги. Он-то сразу догадался, что означает «обстрел» невидимыми иглами.

Просто у твари не было «мосинки». Иначе остаться бы Ваньке Хлысту и его нерадивой пленнице здесь навсегда, на потеху солнцу и ветрам.

Тварь защищала территорию Синих как могла. Она действовала с той же механической точностью и тем же хладнокровием, с какими Хлыстов расстреливал незваных гостей из пустоши. Твари было наплевать на двух мелких уродцев, она монотонно долбила в их головенки чем-то невидимым и определенно вредным для здоровья. К счастью, не столь вредным, как свинцовые пули.

Наконец, дворянка оказалась у него на плече. Хлыстов даже не побрезговал подобрать ее бабское тряпье. В последний раз смерил взглядом застывшую на границе двух миров большеглазую гору мяса. Эх, бомбу бы сюда!.. Или, на худой конец, револьвер. Уж он не промахнулся бы по этим выпученным глазищам.

Побрел, скрежеща зубами, от лиха прочь. Пригорок, за которым скрывался оазис, казалось, был так далеко… словно на другой планете.

Занавес чужеродного света продвинулся на несколько футов вперед. Синий мир откусывал от пустоши кусок за куском.

4

Пегие тучи нависли над оазисом.

Кожистые деревья стали ниже; они поджали остроконечные ветви и присели, грозя чужим небесам кулаками крон и одновременно готовясь принять удар.

Но тучи неумолимо ползли вперед… впрочем, и не тучи это были вовсе. Если бы кому-то удалось подняться на версту или две, да с увеличительным прибором – даже с самой простой лупой, – он бы обнаружил, что предвестники Синего мира состоят не из водяного пара, а из непоседливых гранул, похожих на снежную крупу серого цвета. Каждая гранула вела себя так, словно была живой, словно комар или мошка в туче гнуса.

Угрюмая тень накрыла озеро с горячей водой. Сумерки опустились на базальтовый клык, в кариозной полости которого скрывалась пещерка Ваньки Хлыста. Угли в кострище, темневшем у входа в пещеру, были еще теплы.

Три долгих часа тень и тишина спорили друг с другом, кто же из них теперь правит оазисом.

А потом настал черед ввязаться в спор синему свету.

Он грянул, как ливень, – косыми стрелами лучей. Полился беззвучно, жарко и исчерпывающе.

В тот же миг оазис наполнился потрескиванием и шорохами. Это отваливалась от деревьев потемневшая кора и скрывающиеся под ней слои мышечных волокон. Деревья погибли; вместо них остались, словно печи вместо сгоревших изб, хорды из пористого известняка.

Погибли, не выходя из летаргии, хвостатые лягушки. Вода, слой ила и мембраны коконов оказались хлипкой преградой для смертоносного излучения.

Толстая циновка охряных мхов превратилась в перину из невесомого пепла.

Синий свет пробрался даже в пещерку Хлыстова. Правда, звериное логово держалось дольше всего, но вскоре и оно сдалось. Под сводом зазвучали приглушенные хлопки взрывающихся в тайниках консервных банок.

Хлыстов наблюдал за гибелью оазиса в бинокль.

Верную «мосинку» с примкнутым штыком он держал в свободной руке. В плечо давил мешок, набитый доверху едой. Ветер трепал полы черного макинтоша, а на голове красовалась шляпа с широкими полями: Хлыстов был готов к переходу через пустошь. Его маленькое царство пало, только Ванька Хлыст не раскис. Ванька Хлыст на то и Ванька Хлыст, чтобы улизнуть по-тихому, прежде чем станет совсем горячо.

Пленница сидела неподалеку и бездумно перебирала связанными руками камешки. Глаза ее потухли, а движения были вялы и неуклюжи. Даже одежду

она надела кое-как, шиворот-навыворот. И шла за Хлыстовым, едва переставляя ноги, словно желала смерти обоим: ведь синий занавес неумолимо полз за людьми.

Но вот Хлыст опустил бинокль. Поглядел сверху вниз на пленницу, высморкался. Затем дернул за веревку, один конец которой был привязан к его поясу, а второй опутывал баронессе запястья.

Ева мотнулась, как марионетка в руках у начинающего кукловода, и выронила камешки. Это происшествие вогнало ее в еще большую тоску. Она опустила голову, захныкала и принялась подбирать кусочки малинового кварцита.

Хлыстов снова потормошил пленницу: мол, хорош сидеть! Идти предстояло далеко. Путь к ближайшему кораблю – сухогрузу с сахарным песком в трюмах – преграждал стремительно разрастающийся анклав Синих. Хлыстов не рискнул совершить марш-бросок мимо движущейся границы. Он знал, где находятся еще четыре корабля людей, но доберется ли он до них с грузом на веревке? С обузой, которая нетвердо стоит на ногах?

…Или ее прямо сейчас, не долго думая, штыком в шею? Мучиться сударыня-барыня долго не будет, и пули не надо тратить.

Он снова высморкался. Перехватил винтовку поудобнее… затем повесил на плечо.

Нет, жалко. Когда оазис потерян, когда пещера с тайниками потеряна, безрассудно разбрасываться оставшимися вещами. А молодая баба – вещь ценная. Ценнее не отыщешь. Он ее сменяет, обязательно сменяет. Баба ему еще здорово пригодится.

И тогда он решился. Зазвучала нечленораздельная, тягучая речь:

– Подобру пойдешь – подарю, кому пожелаешь. Или… кха… первым встречным, или тем, кто приглянется… кха… тебе.

Баронесса приподняла голову. Секунду или две она вообще не могла понять, что произошло. В тусклых глазах проклюнулись огоньки интереса.

– Entschuldigen sie? – сорвалось с посиневших губ.

Хлыстов положил руку на горло и, морщась, слово в слово повторил сказанное. Он даже запыхался от усердия. «Паучок» недовольно заерзал под ребрами. «Паучку» не нравились внутренние вибрации, которые позволил себе его человек.

– Значит… Петруша говорящий, оказывается… – Ева удрученно покачала головой. – Чего же ты до сих пор молчал?

– С едой мне не о чем толковать, – буркнул Хлыстов. – Ну, что решила?

* * *

В первый день они без труда отыскали место для ночевки.

Синий занавес скрылся за горизонтом. Теперь везде, куда не повернись, были лишь камни и пыль. Ничто не цепляло взгляд. Такой однообразный и унылый пейзаж вогнал бы в тоску даже самого безудержного весельчака.

Сияло красноватое солнце, ветер силился засорить им пылью глаза и сбить с пути. Но Хлыстов уверенно шел вперед и вел за собой баронессу. Ева решила, что он ориентируется по каким-то известным лишь ему приметам. Время от времени ее спутник останавливался, запрокидывал голову и принимался нюхать воздух. Ева же крутила пальцем у виска (правда, только в мыслях). Она ни на секунду не допускала, что Петруша прокладывает путь через пустыню, полагаясь на нюх.

После долгих месяцев, проведенных в яме, простор равнин Ржавого мира пугал баронессу. Выступали слезы, когда она думала о том, сколько сил и здоровья выпили из нее черные скалы. Теперь она ни на что не способна; разве только – идти на привязи за тугим на ум убийцей, субчиком бесчестным и коварным. Как убедительно он разыгрывал немого! Лицемер!.. Будь у нее хоть немного сил! Где же они – силы? Где мужчины, которые клялись когда-то оберегать ее? Ну конечно! – чего только не брякнешь, чтобы добиться расположения родовитой красавицы! Увидели бы ее велеречивые господа в пенсне сейчас – грязную, ободранную, вырядившуюся в лохмотья. Хорошо, что здесь не водятся вши и

блохи, – пожалуй, это была единственная поблажка, которую сделала ей лихая судьба.

…Он рванул крышку присыпанного пылью люка.

Ева отшатнулась от рыжих струй, хлынувших в разные стороны. Два раза громко чихнула и наклонилась вперед: оказалось, что под люком скрывалась узкая щель, ведущая под землю.

Опять яма?!

Хлыстов вынул из кармана нож, подтянул баронессу к себе, – их по-прежнему связывала веревка. Раз-два, – и та оказалась на свободе. Жестами (по привычке, что ли?) Хлыстов приказал Еве спускаться вниз.

Баронесса присела на корточки. Хворые глаза не сразу разглядели веревочную лестницу, уходящую в темноту.

– Это ты сделал?

Вопрос повис в воздухе.

Она повернулась к Хлыстову. Проговорила, задыхаясь от ненависти:

– Может, довольно молчанки? Ты ведь раскрыл карты!

Хлыстов мотнул головой и поправил ремень винтовки.

– Ну… Как знаешь… – Она опустила ноги в щель, нащупала перекладину лестницы. Струйки песка срывались с проема и исчезали в темноте. – Если так тебе покойнее…

Свет, который возник непонятно откуда, прогнал тьму. Ева спрыгнула с нижней ступеньки и изумленно округлила губы.

– О-о-о… Боже милостивый… Что это?

Это был отрезок подземного коридора, с двух сторон запечатанный обвалами песка и щебня. Довольно узкий, тем не менее способный послужить надежным убежищем от ночных ветров. Ева подошла к стене и осторожно приложила ладони к отшлифованному до стеклянной гладкости камню. Свет, который лился с его поверхности, тут же стал ярче. В глубине проступили неясные очертания. Ева отпрянула: ей показалось, что на стене проявилось изображение гротескных фигур. С ними было что-то не так… Нечеловеческие пропорции? Звериные маски на лицах? Баронесса подслеповато прищурилась: или это люди со звериными головами?

Она так засмотрелась, что не заметила Хлыстова: а тот бесшумно, словно привидение, возник рядом. Ева отпрянула, диковинные картинки растворились в светящемся тумане. Стена вновь стала равномерно белой.

– Что-нибудь увидела? – спросил Хлыстов.

– Ничего, – соврала она с мстительным холодком в голосе.

– Брешешь?..

– Я ведь ответила тебе, Петруша.

Какое-то время Хлыстов пристально смотрел на стену. Казалось, камень заплачет, не стерпев столь въедливого взгляда. Потом Хлыстов повернулся к Еве, его широкие ноздри трепетали.

– Я не Петруша, – произнес он едва разборчиво.

– А кто тогда? – поинтересовалась баронесса.

– Это не важно.

– Тогда почему бы мне не называть тебя Петрушей, как я делала раньше?

– Потому что злить меня – не шибко умная затея.

С этим сильно не поспоришь. Ева сдалась. Опустила глаза, вжала голову в воротник шубы. Отступила.

Тогда, не сводя с баронессы глаз, Хлыстов поморщился, потрогал затылок и убедился, что рана всё еще сочится. Ева замерла ни живая ни мертвая. Ей показалось, что он ее непременно ударит, так побагровело и без того неприятное лицо этого человека.

Но Хлыстов оставил ее в покое. Подошел к завалу и принялся деловито рыться в песке. Через несколько минут он откопал плоский металлический ящик – во времена рабочих лагерей в таких пеналах хранили лопаты.

– Вижу, всё ты предусмотрел, – подытожила Ева. – Я-то думала, куда он пропадает… День – нет… Два дня, три дня, – а его нет и нет.

Хлыстов открыл ящик. Вынул новенькую шинель и бросил ее на каменный пол. Усевшись, достал из ящика бумажный сверток. Ева вытянула голову: под бумагой оказался острый осколок сахарной головы. Хлыстов, не глядя, швырнул сахар пленнице. Баронесса поймала осколок, точно дрессированная собачка. Отбежала с ним в дальний конец коридора, опустилась на пол и принялась облизывать подачку, точно то был петушок на палочке.

– Если надумаешь спать… – медленно проговорил Хлыстов, как бы сомневаясь, стоит ли заводить об этом речь. – Знай: здесь снятся страшные сны.

* * *

«Паучок» бежал по черным волнам.

Легкий и проворный, как озерная водомерка, прыгучий, как летающая рыба. С гребня на гребень, вниз по пологому скату и сразу – вверх на следующую волну.

«Паучок» был не один, его окружали сотни тысяч таких, как он. Маслянистую поверхность первичной жижи покрывал шевелящийся ковер, сотканный из мохнатых спин и лапок. Серебристые луны звали «паучков» в дорогу: навстречу полярному сиянию, водопадом низвергающемуся из рокочущих небес в океан.

Их засасывало в стену из разноцветных огней. «Паучки» исчезали, растворяясь в вихре излучений. Они теряли ощущение колышущейся поверхности под собой, и хрустальный зов четырех лун стремительно отдалялся. Они теряли себя и обретали вновь…

…но это было совсем иное место.

Вз-з-з-з-з! – визжит дисковая пила.

От собственного крика рвутся барабанные перепонки.

Он прикован к прозекторскому столу. Он не может пошевелиться, бесполезные проклятья и угрозы сами собой слетают с губ. Над ним нависает пещерный свод; под сводом – железная балка. Вокруг балки обвивается, словно удав вокруг ветки, нечто мохнатое и многоглазое.

Главное чудище мира ржавых пустошей… Есть еще другие – безликие химеры-великаны, быстроногие железные каракатицы и крысы-люди. Но эти – которые похожи на генеральские шубы – самые опасные, они заправляют всем и вся.

Однажды их оставил с носом Ванька Хлыст, которому палец в рот не клади. Провел мохнатых нелюдей и их прихвостней, – сбежал в пустыню, прихватив с собою запас воды и добрый ломоть вареного мяса. Но недолго радовался воле бывший террорист: его выследили с воздуха. Сбросили сеть с летающей машины, затравили крысами-людьми.

Он думал, – его вернут в лагерь. Думал, заставят снова кидать землю… Но нелюдям зачем-то понадобился человек. Летающая машина доставила неудачливого беглеца в горы, где у хозяев было что-то вроде осиного гнезда.

Вз-з-з-з-з! – опять подает голос пила.

Пилой орудует страхолюдина, похожая на оживший скелет. Это – груда кое-как скрепленных между собой костей, и вместо черепа у нее – что-то вроде большого черного жука. Обычно костяк возит на себе мохнатого хозяина, но сейчас они почему-то разделены.

Вот второй костяк. Проносит мимо лица Хлыстова вместительную бутыль. Сквозь толстое стекло на человека глазеет заключенный внутри паучище. Жуткий, злой паучище. Вообще, здесь всё – омерзительное, гнусное, уродливое, и поверить трудно, что земля не расступается под этой поганью, открывая ей прямую дорогу в ад.

И снова визжит пила, а он заходится криком.

Паучище смотрит на него с укоризной. Паучище уже выбрался из бутыли и вот-вот коснется его лица коготками, которыми заканчиваются щетинистые лапы.

…Хлыстов открыл глаза.

Он лежал на шинели, а над ним стояла сударынябарыня. Лицо строптивой пленницы было бледным, губы дрожали. И шуба ее облезлая как никогда походила на хозяина, изменившего обычному носителю. Женщина держала «мосинку» штыком вниз – над кадыком ее владельца. Увидев, что Хлыстов проснулся, сударыня-барыня отбросила сомнения и ударила.

Штык высек искру, скользнув по каменному полу. Ванька Хлыст как всегда не сплоховал: увернулся, выхватил из-за пояса револьвер.

– У-у-у! Неблагодарная сучка!! – проквакал он своим страшным голосом и выпустил в нее весь заряд.

…Ева закричала. Она уже поняла, что проснулась, но всё равно не смогла удержать рвущийся из груди вопль.

У дальней стены подземного убежища сидел ее мучитель и как ни в чем не бывало хрустел сахарком. Встретившись с ней взглядом, он лениво махнул ладонью.

Мол, я ведь тебя предупреждал. Здесь, барышня, снятся страшные сны.

От светящейся стены исходило ощутимое тепло. Фигуры больше не проступали на гладкой поверхности, но они были там, за светящимся туманом. И их молчаливое присутствие ощущалось как никогда отчетливо. Баронесса

поплотнее запахнула на себе шубу, повернулась на другой бок и жалобно заплакала.

Глотая слезы, она стала вспоминать. Двухэтажный дом на Васильевском острове, – здесь прошло ее детство. Мать и отец – улыбаются ей, многочисленные братья – все уж возмужали!.. Милые кузены и кузины – с ними она видится, когда гостит в Данциге. Как странно! – она гостит в родном городе, а живет в чужой стране… Далось же ей это морское путешествие – будь оно проклято! Куда ее понесло? Что она забыла в Ницце зимой?! Густой туман над уснувшим морем… Сиренный гудок парохода; они одни во всем мире, и нет за туманом ничего. Пожилой стюард со старомодными бакенбардами: не угодно ли мадемуазель погреться в кают-компании?

Потом падение… Сокрушительный удар! Пароход содрогается от киля до верхушек мачт. Заваливается на бок. Все кричат, и она кричит. Никто ничего не понимает и не может ничего объяснить! Куда делось море?!

Потом дребезжащий глас: «Покориться! Покориться!! Покориться!!!»

Мир голода и страданий принял ее в свое лоно. Мир кошмарных чудовищ и убийц открыл ей двери.

За что, господи?!

И опять она проснулась, и снова крик сорвался с растрескавшихся губ.

5

Беда! Беда!!!

Чуткие ноздри раздувались, словно кузнечные мехи.

Беда! Отовсюду – беда!

А они с сударыней-барыней застряли посреди ровной, как столешница, пустоши. Небо над ними – чистое-чистое, и цвет у него оранжевый, переспелый. Несутся стремглав шипастые перекати-поле, бурлят на горизонте черно-красные тучи. Беда на севере, на юге! На западе и востоке!

Окружены! Угодили в центр воронки, и воронка эта не стоит на месте. Через час-другой они столкнутся со стеной кипящей пыли и мелкого щебня. Ближайшее убежище – то самое подземелье со светящейся стеной. Если вернуться назад… Нет, не успеют! Ведь за их плечами – безостановочный переход длиной в день. Никак не успеют, пусть даже побегут вприпрыжку.

К тому же сударыня-барыня вконец выбилась из сил.

– Я так больше не могу, – она села на землю. – Я пить хочу! Да и поесть бы… А?

Хлыстов снял с пояса флягу и вложил ее в трясущиеся пальцы пленницы. Ева кое-как отвинтила крышку и с жадностью присосалась к горлышку. Напившись, она попыталась было напомнить об ужине, но поперхнулась собственными словами: столь мрачен и лют был лик Хлыстова.

– Что?.. – Ева поджала ноги. – Что опять не так?

Он жестом приказал баронессе подняться. Ева застонала, но всё же повиновалась.

– Я не могу идти дальше! Мне надо отдохнуть! Ну хоть немного! Я ведь женщина… Ты сам, в конце концов, виноват в том, что я не могу идти! Сколько ты держал меня в яме?! Ты!.. Ты сделал меня калекой!! Ни за что!!!

Слова отскакивали, как от стенки горох.

Ева зарыдала. Снова села, обхватила руками колени, опустила голову.

– Оставь меня, – пробурчала, повесив нос. – Оставь, ну!!

– Буря, – расщедрился тогда Хлыстов. Он ткнул пальцем в сторону бурлящих туч. – Мы – мертвяки, коли не поспешим.

Баронесса подняла голову. Вытерла нос тыльной стороной ладони.

– Ладно… Ладно! Gott verdammt noch mal!!!

Он повел ее в обратную сторону. Только не по следам, а забирая влево сильнее и сильнее.

Ветер стал показывать характер. Завыло, застонало. Заструилась у ног пылевая поземка, зашуршали, обгоняя их, перекати-поле. Благо, что дуло в спины. Ветер будто спешил смахнуть с пути двух упорных человечков, мечущихся по пустоши то туда, то обратно.

Солнце померкло. Грязно-рыжая мгла заволокла пустошь. С небес хлынул град из мелких камешков. Эта шрапнель больно стегала по щекам и словно нарочно заваливалась за шиворот.

…В другое время Хлыстов ни за какие коврижки не связался бы с подобной чертовщиной. Но нынче выбирать не приходилось. Нынче весь выбор – или пан, или пропал.

– Что это? – опешила баронесса. – Ты куда нас привел?..

Хлыстов толкнул барыню-сударыню между лопаток, вынуждая ее переставлять ноги еще быстрее. Он не был настроен читать лекции.

То, что с расстояния казалось вытянутым пригорком, на деле оказалось кораблем. Сигарообразной формы, огромный, словно современный броненосец. С четырьмя мачтами одинаковой высоты, со срезами многочисленных палуб, с надстройками, прикрытыми выгнутыми щитами.

Опустившаяся мгла была не в силах скрыть чужеродность этого давно мертвого исполина. Вроде – обыкновенные мачты, и палубы на первый взгляд самые обыкновенные. Металл бортов – тот тоже, кажется… Ан нет! Несет от этого корабля чем-то таким, от чего немеет под ложечкой, подгибаются колени и проклевывается в душе острый росток панического страха.

Сквозь пыль пробился отчаянный луч закатного солнца. Ева снова раскрыла рот в немом удивлении: она увидела, что борта корабля серебрятся бесчисленными чешуйками. И снова ее мучитель не позволил сбавить шаг. Снова врезал кулачищем по спине, подгоняя к чернеющей в округлом днище дыре.

Он всегда старался держаться подальше от кораблей чужаков, кои встречались ему в пустоши куда чаще, чем корабли людей. Чужая еда была опасна, утварь и одежда – непригодны, машины и оружие – непонятны. Хлыстов ничего не боялся. Даже когда дисковая пила (вж-ж-ж-ж! вж-ж-ж-ж!) гуляла по его ребрам, он чувствовал лишь боль и мучительную жажду отмщения. Но не страх. Однако разумная опаска всё-таки была. Кто знает, что может скрывать тьма внутри построенных нечеловеческими руками отсеков и коридоров? Зачем добровольно совать голову в пасть льва?

Но вот пришлось. И края дыры, через которую им предстояло забраться в трюм, – зазубрены. И правда – пасть…

Ева, которая ни разу не видела корабли нелюдей, интуитивно чувствовала исходящую от исполина с чешуйчатыми бортами угрозу.

– Может, мы… здесь переждем? На-а-а… улице? – без особой надежды спросила она Хлыстова.

– Нет! – бросил тот. Он уже обнюхивал края дыры. Как обычно, обоняние подводило, когда дело касалось этого корабля. Бывал… да, бывал он здесь. Проходил много раз мимо. И знал, что внутри громадины стоит густой дух ладана, который заглушает остальные запахи. Он даже знал, что именно столь сильно благоухает…

– Ох! О-о-о! Боже-боже-боже мой! Что это?!!

Хлыстов отвернулся от дыры, положил руку на горло, с горечью понимая, что разговора не избежать. Сударыню-барыню била дрожь. Она, выпучив глаза, смотрела на обезглавленное тело, залитое чем-то похожим на прозрачный древесный клей. «Клей» давно затвердел, и тело было запечатано внутри вместительной «капли», что комар в янтаре. Словно желая поприветствовать баронессу, из застывшего «клея» тянулась рука, оканчивающаяся трехпалой кистью непропорционально большого размера.

– Здесь много таких, – выдавил из себя Хлыстов. – Они давно мертвы и не причинят нам зла. Когда мы будем внутри…

– Боже! Ему что – отрубили голову?! Давай не пойдем внутрь! Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! Я тебя умоляю!..

– …не отходи ни на шаг. Держи хвост трубой…

– …и не спи?

– Ну, можешь не спать.

Они проникли в брюхо чужого корабля. Свист ветра, разгулявшегося в пустоши, обрезало, словно гильотиной. Сквозь чешуйчатые борта просачивался низкий рокот, похожий на шум прибоя, и ничего более. Хлыстов убрал «мосинку» за спину; в одной руке у него теперь теплилась масляная лампада, а в другой темнела вороненая сталь револьвера.

Ева задохнулась. Рот наполнялся густой слюной, и тошнота стала напирать на диафрагму, стоило баронессе сделать глубокий вдох. В чреве корабля было душно и пахло чем-то сладким: какими-то приторными благовониями напополам с канифолью. Чтоб не упасть во время очередного приступа дурноты, Еве пришлось положить ладонь на плечо человеку, которого она ненавидела сильнее всего на свете.

Света лампады было недостаточно, чтобы разогнать тьму в необъятном трюме. Они стояли в центре желтого пятачка, а вокруг колыхалась пыльная чернота. Что-то мерно поскрипывало под невидимым сводом, сквозняки напевали атональные мелодии.

О да! На этом корабле вне всяких сомнений обитали привидения.

Хлыстов двинулся вперед. Зачем ему понадобилось уходить от пробоины, Ева взять в толк не могла. Но делать было нечего, и она потянулась следом, не видя перед собой ничего, кроме спины, обтянутой прорезиненной тканью.

Под ногами сначала шуршал вездесущий рыжий песок, затем зазвенел металл. Палуба была покрыта начищенной до серебряного блеска плиткой: довольно мелкой – в две ладони шириной, с ощутимой выпуклостью в центре каждой.

Вскоре дорогу им преградили застывшие под натеками прозрачного «клея» тела.

Ева обреченно плелась за Хлыстовым. Она зажимала рот ладонью, чтоб не закричать. Мертвецов оказалось много, очень много. И чем ближе к килевой линии корабля, тем больше их становилось. Тела попадались на каждом шагу, лежали они в самых разнообразных позах; некоторые настойчиво тянули сквозь затвердевший «клей» трехпалые, похожие на клешни руки.

И без голов… Как такое могло случиться? Несмотря на дурноту и объяснимый страх Ева недоумевала: ну не может быть, чтобы все погибли одинаково. Чтобы у каждого – раз! – и голова с плеч… Точно по шаблону какому-то!

Клубящаяся мгла подсовывала образ смерти в рваном плаще с капюшоном. С черной косой в мумифицированных лапках. Не она ли вволю потешилась здесь, рубя направо и налево? Не она ли поджидает за занавесом вечной ночи двух заблудших?

…В конце концов, они забрели в ту часть трюма, где ровными рядами стояли кубические контейнеры. Очевидно, в былые времена команда нос сюда не совала. Правда это или нет, но покойников среди контейнеров не оказалось, да и гнусный запах «благовоний» давил на ноздри уже не столь настойчиво.

Хлыстов молча сел на палубу и привалился к стенке контейнера, как к спинке кресла. Ева, хочешь не хочешь, пристроилась рядом. Фитиль лампады сухо потрескивал, и пламя отплясывало трепака. На эфемерный огонек тоннами давила тьма, – до рассвета ему не продержаться. Под невидимым сводом хихикали привидения, роняя слюну на людей, прикорнувших в пятне ненадежного оранжево-красного света.

Баронесса пошарила руками по палубе и выловила из теней пригоршню серебристых цилиндриков и черных кособоких шариков. Поднесла к лицу, силясь разглядеть, что же это валялось у нее под ногами. Особенно Еву заинтересовали шарики: они пахли сырой нефтью и едва заметно мялись пальцами.

– Брось! – приказал Хлыстов сквозь зубы.

Она покорилась, с виноватым видом отряхнула ладони. Но через некоторое время баронесса вновь отвлекла Хлыстова от раздумий.

– Послушай… – Ева обхватила руками плечи. – Брани меня… проклинай… но только не молчи! Мне жутко… Если бы ты знал, как мне жутко!

Хлыстов без интереса посмотрел на баронессу.

– Я раскаиваюсь в том, что однажды заговорил с тобой, сударыня-барыня…

– Я не сударыня-барыня! – обиделась Ева. – У меня есть имя и… и даже титул!

– Можешь взять свое имя и даже титул, и засунуть себе в…

Куда засунуть, Ева поняла скорее интуитивно. Это пищаще-звонкое слово ей не доводилось слышать даже от подвыпивших извозчиков. Хлыстов же почесал дулом револьвера куцую бровь и опустил на глаза шляпу.

– Эх-эх… – насупилась Ева. Привидения под сводом теперь насмехались явно над ней. – Если бы я осталась в лагере… Если бы тебя, ворона, не принесло из пустыни…

Хлыстов положил руку на горло. Проговорил, морщась:

– …тебя рано или поздно бы порешили. И слопали. Если не твои же дружки, так другая пришлая банда. Голод не тетка.

Ева возмущенно выпрямилась:

– По себе о других не судят! Ни Станислав, ни Франтишек не позволили бы и волосинке упасть с этой головы! – Ева тряхнула грязными и порядком поседевшими волосами. – О, они были настоящими рыцарями, Петруша! Благородные, честные!.. Куда тебе, деревенщине, судить!

Хлыстов пожал плечами. Он хорошо помнил, как хрустели шейные позвонки названных господ в его объятьях.

– Слопали бы, слопали. А так… на что-нибудь да сгодишься.

– Надеюсь, что в этом проклятом месте мне встретятся достойные люди!

– Ага. Вот им и сгодишься.

На том разговор и закончился.

* * *

А потом лампада погасла. Измученная долгим ожиданием тьма навалилась сверху, подобно борцу-тяжеловесу, сминая ребра и выдавливая из груди воздух.

Ева вскрикнула. Проснулась. Рядом на корточках сидел Хлыстов. Огонек лампады, который на самом деле и не думал гаснуть, отражался в его расширенных зрачках. Хлыстов пялился на баронессу, поглаживая при этом курок револьвера.

– Что?.. – Со сна она плохо соображала.

– Мешок?.. – прохрипел Хлыстов.

– Что – мешок? – Предчувствуя недоброе, Ева отодвинулась и обхватила руками колени.

Хлыстов наклонился вперед, грудь его ходила ходуном.

– Где мой мешок?

– Откуда… – Ева осеклась. Хлыстов взвел курок и сунул ствол ей под нос. Следующий вопрос прозвучал определеннее:

– Куда ты его дела?

Ева мотнула головой.

– Я же спала! Постой… – Она неожиданно всё поняла; забыв о том, что злить этого человека – «не шибко умная затея», добавила: – Ты тоже спал! Спал и ничего не почуял!

Хлыстов был удручен. Он убрал револьвер и фыркнул. Мелькнула мысль: когда он спал – его действительно сморило после тяжелейшего перехода, – сударыня-барыня могла улизнуть или, чего доброго, всадить ему под ребра штык. Он привык всецело полагаться на пресловутого «паучка», а «паучок» в провонявшем прогоркшим ладаном трюме, оказывается, всё равно что слепой и глухой щенок. Толкается, ворочается беспокойным плодом в утробе, а толку никакого.

– Нюх потерял? – Ева позволила себе дерзкую нотку.

– От тебя так разит кровью и навозом, что… кха… за версту ничего не учуять! – неожиданно огрызнулся Хлыстов. Он подхватил лампаду, винтовку, вскочил на ноги и стал озираться.

– А от тебя козлиной мочой!.. – буркнула Ева.

Хлыстов уже мчал вдоль контейнеров, на ходу заглядывая в просветы.

– Не найдем мешок – вдвоем сдохнем, – бросил он, не оборачиваясь. – Без припасов пустошь не одолеть.

Привидения вновь захихикали под сводом, зазвенели невидимыми цепями, выстрелили во все стороны картечью черных шариков…

Баронесса присоединилась к суматошному поиску. Она заметила, что в трюме чуть-чуть посветлело: снаружи настало утро. Розовые лучи проникали с верхних уровней через открытые люки, а потом отражались от металлических поверхностей, рассеиваясь.

Они пересекли трюм под шумное дыхание Хлыстова. Человек в широкополой шляпе усердно нюхал воздух, насыщенный чужепланетными миазмами. И ничего не ощущал. Ничего, кроме тошноты и нарастающего раздражения.

Возле спирального пандуса, ведущего на уровень вверх, заскрежетала жесть. Хлыстов метнулся на звук, ясно представляя, как чей-то консервный нож кромсает банку с тушенкой. Он почти уверился, что с Ванькой Хлыстом вздумал шутки шутить человек. Ведь, если задуматься, зачем нелюдям тушенка? Для нелюдей она – крысиный яд.

Только ошибся Хлыстов.

На плавном изгибе пандуса валялась пара истерзанных банок и сползала жирными потеками разваренная свинина. К стене прилип растрепанный лоскут, оторванный от мешка.

Снова заскрежетало, и Хлыстов рванул по пандусу вверх. Оказался в сумрачном коридоре, стены которого сходились над головой, образуя вместе с палубой равносторонний треугольник. Обоняние не работало, зато слуху ничего не мешало. А слух у Ваньки Хлыста был тоже – псам на зависть.

Он перемахнул через застывший в «клее» труп. За ближайшим поворотом обнаружил еще одну испорченную банку, с полдюжины сухарей, выпачканных бурой слизью, и россыпь черных шариков.

Хлопнул кулаком по переборке, сплюнул. Ему стало понятно, что попался он на мушку беспринципного вредителя. Какой-то паршивой обезьяне попался, паскуде, которая съесть не съест, но превратит его припасы в негодный хлам. Сейчас эта макака забавлялась с взбешенным человеком, намереваясь запутать его в многоуровневом лабиринте корабля чужаков.

Баронесса не стала ждать у моря погоды, сидя в темном трюме: слишком уж настырно хихикали привидения над ее головой, и эти смешки, казалось, звучали ближе и ближе. В треугольном сечении коридора юродивого в ковбойской шляпе она не увидела. Но характерное сопение доносилось из-за угла, значит, ее благодетель и господин где-то неподалеку.

Тогда она посмотрела по сторонам.

Стены из серебристого металла расчерчивали разноцветные прожилки. Баронесса с детским любопытством провела грязным пальцем по приглянувшейся «дорожке». Раздался щелчок, а следом тихий всхлип. В наклонной стене образовался широкий проем. Ева отступила, в волнении наматывая волосы на палец.

Мимо пронесся Хлыстов. Обычно до ненормальности невозмутимый, теперь он скрипел зубами, бормотал малопонятные ругательства, в общем, метал гром и молнии. Точно бес, что наделял его натуру нечеловеческими чертами, если не испарился насовсем, то определенно «вышел погулять». Долго ли продлится переполох в его темной душе и насколько этот человек опасен в новой ипостаси?.. Ева пожала плечами и быстро перекрестилась. А затем все-таки заглянула в открывшийся отсек.

Никого. Чуть заметно дрожит воздух, и слышится гул, словно несколько кошек мурлычут одновременно…

Одну из переборок полностью скрывали выпуклые зеркала прямоугольной формы. Баронесса подошла ближе, присмотрелась: зеркала отражали плохо, к тому же под стеклом носились белые крапинки. Словно под слоем амальгамы поселилась рождественская вьюга. На другой переборке пестрел всеми оттенками красного шершавый круг: или картина, или ковер… или черт знает что другое. Рисунок – беспорядочное нагромождение пятен, среди которых затесались серые, пустые фрагменты – их как будто забыли закрасить или же закрасили красками, цвет которых человеческий глаз распознать не в силах.

На третьей переборке…

Это были, наверное, охотничьи трофеи.

Две дюжины голов, одна страшнее другой. Всё оскаленные пасти, разверстые клювы, сморщенная кожа, стеклянные глаза. В центре – очень большой и очень страшный череп. Почти что слоновий. Сходство усиливали могучие бивни, загнутые вверх. Взгляд четырех пустых глазниц упирался в растерянную баронессу.

Ева быстро перекрестилась и выскользнула в коридор.

* * *

Они стояли на срезе одной из верхних палуб.

Песчаная буря пошла на убыль, но, похоже, свистопляска не закончится до следующего утра. Выл ветер в металлических снастях чужого корабля, стремительно неслись низкие тучи. Размытое пятно, за которым скрывалось солнце, нехотя ползло по небосклону, роняя сквозь редкие разрывы в муаровой завесе пугливые лучи. На севере горизонт не был виден, зато на юге картина была более радостной…

Хлыстов показал Еве то, что осталось от его мешка: лямку, с которой свисали изодранные лохмотья. На ткани темнели пятна бурой слизи.

Ева кивнула. Присела за щитом выгнутого фальшборта.

Чего тут не понять? Она и без того едва-едва переставляет ноги, а теперь, когда припасы потеряны… Не выжить. И раньше ей доставались крохи, а сейчас и того нет.

Хлыстов же думал о своем.

Он перешел бы через пустошь. Кое-как, на пределе, вывалив язык… Но – сам. Без медлительной, страдающей от голода и жажды обузы за плечами. Он дотянул бы до корабля людей, затерянного среди песков, и начал бы всё сначала. Обустроил бы себе логово и стал бы стаскивать туда всё, что отыщет в пустоши – припасы, утварь, оружие. Но сам, сам, только сам…

Ева сидела на корточках. Запрокинув голову, она глядела, как покачиваются верхушки серебристых мачт.

Хлыстов вытянул из-за голенища сапога финский нож. Вытер лезвие о штанину в порыве необязательного чистоплюйства. Подошел к пленнице вплотную. Ева вздрогнула и часто-часто заморгала; ее маленький подбородок мелко задрожал, на губах замерли уже излишние слова.

– Убери волосы.

Баронесса подчинилась. Стряхнула слезы и вдруг с вызовом поглядела на палача. Карие глаза холодно блеснули из-под нахмуренных бровей.

– Ты уверен, что поступаешь справедливо?

– А как же…

– Какой же ты… Петруша…

У нее такая тонкая шея… Тростинка, а не шея. Тростинка на ветру.

«Паучок» вяло трепыхался в глубине грудной клетки. Колючий ветер еще не успел отрезвить мохнатого подселенца, и лапки с острыми крючками когтей бессмысленно подергивали паутинки нервных путей. «Паучку» было безразлично, чем питается его двуногий носитель, – «паучок» был способен даже болотную тину превратить в питательную для них обоих гадость. А вот Ванька Хлыст человечиной брезговал. И по доброй воле не стал бы оборачиваться крысой-человеком.

Он выглянул из-за фальшборта. Если бы кто-то увидел его со стороны, то не было бы предела недоумению: каким ветром занесло на корабль с обшивкой, покрытой чешуей, человека в шляпе североамериканского пастуха?

Повсюду кипел рыжий песок. Куда не кинь взор – повсюду пустошь, неприветливая, скупая, а едва солнце опустится за горизонт – еще и морозная. Если идти день и ночь, и еще раз день и ночь, то можно добраться до ржавого баркаса. Больше половины припасов в трюме протухли, но еще найдется, чем набить брюхо. А вот ежели направиться в другую сторону – туда, откуда ветер приносит едва уловимый запах портянок и дыма …

…Они отправились в путь, как только ветер немного утих.

Ванька Хлыст – террорист и душегуб – не знал о милосердии ровным счетом ничего. Само слово звучало для него, как пустой звон. Полтора года, проведенные в церковно-приходской школе, только укрепили его подозрение, что милосердие – химера, пыль в глаза. В том был повинен молоденький дьячок – борода метелкой, глаза смотрят в разные стороны. Первую половину каждого занятия дьячок расписывал ужасти адских страданий, а вторую бился в эпилептическом припадке. И часами глядя на то, как работает отец: валит с ног красноглазых бугаев точным ударом кувалды, Хлыстов понимал, что следует сделать с очутившимся в аду при жизни отче Иовом.

…Он молча наблюдал, как помилованная женщина борется за каждый шаг, чтобы не рухнуть лицом в пыль и дойти до конца безумной гонки с ветрами. Он успел трижды пожалеть о том, что в последний миг дрогнула рука. Ваньку Хлыста как будто некая сила прижала тогда к ногтю, принудив спрятать «финку» в сапог.

Нет, в этом не был виноват «паучок». «Паучок» ненавидел ту бурю, которую поднимал в мужчине запах особи противоположного пола, он всячески усмирял плоть своего человека. За милую душу «паучок» перепилил бы руками Хлыстова сударыне-барыне шейку, не окажись его темная воля в дреме из-за распроклятой вони мертвых и остекленевших нелюдей.

Хлыстов глядел, как шатает его пленницу, его вещицу, его штучку, припасенную на «черный» день. А в голове сами собой появлялись неуместные мысли…

Не любой мужик бы выдюжил эдакие злоключения, а тем более баба… Полуслепая, чахоточная и чуток сбрендившая. Некогда она рыдала и умоляла, а нынче идет через агонию бури, наперекор ветру и здравому смыслу. Ведь нет у нее ничего, кроме расплывчатого обещания, данного злодеем! В той стороне пустыни, дескать, – люди. Пойдем туда, не знаю куда, и отпущу тебя в народ, коли выдюжишь переход.

Все-таки внутри сударыни-барыни скрыт жесткий стержень, быть может, стержень из чистого золота. Его блеск пробивается сквозь неумытое лицо и рваные одежды. Она привыкла дышать, пить, есть и спать в постоянном страхе, но в то же время тянется к жизни с упорством былинки, прорастающей сквозь брусчатку.

…Равнина обрывалась, повиснув рваными краями над пропастью. Ниже находился уступ в полверсты шириной. На уступе путников поджидал непроходимый лабиринт из черных скал с острыми гранями. Сам черт ногу сломит!.. Если они осилят это препятствие, то, очевидно, выйдут к каньону, который настолько широк и глубок, что это трудно даже представить. Сейчас они видели лишь заселенную тенями пустоту: от Ржавого мира точно откололся кусок и развеялся среди звезд.

Ева присела у кромки. Она видела, что впереди безжизненное пространство, в котором не отыскать ни еды, ни воды. Просто пустошь, которая охватывает всю неведомую страну, повернулась к ним иным боком. Просто они шли, шли и никуда не пришли. Просто ее тиран и благодетель снова дал маху со своим хваленым чутьем. Шальные перекати-поле подсказывали ей, что нужно делать: они с подскоком сигали с зазубренного края и разбивались о скалы.

Хлыстов пристально изучал нагромождение глыб в бинокль. Он искал и не находил ни одной приметы того, что где-то неподалеку есть человеческое поселение, тогда как нос убеждал, что среди скал скрывается опасное множество коварных тварей о двух ногах.

Через минуту-другую отыскалась укромная тропинка. Она уводила вниз, прыгала по малым уступам, которые как балконы выпирали из слоистой скалы, а затем терялась за камнями.

Баронесса беспрекословно выполнила немой приказ. Встала и пошла туда, куда указал ей Хлыстов. Ева не видела вокруг себя ничего: ни тропинки, ни крутого склона, вдоль которого ей нужно спуститься, рискуя сорваться и сломать шею.

Хлыстов остановил Еву на непримечательном уступчике. Пригодились колючие ветки перекати-поля, и вскоре на каменном языке занялся костер. Усадив Еву возле яркого огня, Хлыстов подошел к краю, поглядел вниз: среди скал ничего не изменилось. Если за глыбами прятались люди, то они определенно были биты жизнью и хитры, как черти.

Тогда Хлыстов поплевал на ладони, поднял «мосинку» и пальнул в небо. Среди скал заметалось эхо, но Ева даже не вздрогнула. Баронесса смотрела остановившимся взглядом на огонь, поддавшись его простому гипнозу.

Шляпу – прочь, приклад – к плечу.

Он пристроил винтовку в щель между двух камней, сам залег, распластавшись. Теперь с тропинки его не видно и не слышно. Оставалось лишь ждать, а ждать он умел.

Предоставленная сама себе, баронесса задремала. Ее сутулый силуэт, казалось, сейчас станет призрачным и уплывет в небо вместе с волнами горячего воздуха, поднимающимися от костра.

…В конце концов Хлыстов оказался прав: запахи сгустились, навалились со всех сторон, став почти непереносимыми. Стало слышно, как по тропинке кто-то шагает в тяжелых сапогах. Защелкали, срываясь с уступов, мелкие камни.

Идут! С одной стороны – быстро, но с другой – без лишней суеты. Четким шагом.

Два бородача, одетые в обычную для жителей пустыни рванину. Вроде моряки… а вроде и нет. Черт их разберет! Но точно не из той они компании, что в последний раз набрела на оазис. В руках у них – вот незадача! – тоже «мосинки». Если они не дураки, то теплого приема здесь не жди, Ванька Хлыст!

Увидели барыню-сударыню мужики и оторопели. Явно не ожидали эдакого подарочка из пустоши.

– Ешкин кот! – ахнул один из них. – Чур меня, Диментий! Гляди – девка! Девка ведь!

Хлыстов спустил курок. Принесенная в жертву пуля (как же он ненавидел бесцельную стрельбу!) чикнула у ног бородачей и, взвизгнув, унеслась в небо. Мужики мгновенно повалились на землю. Клацнули затворы, задвигались стволы винтовок, выискивая того, в кого можно было бы всадить заряд.

– Эй! У меня здесь женщина! – прокаркал из укрытия Хлыстов. – Она молода и хороша собой. Я хочу ее сменять. Зовите старшего!

Говорить, напрягая связки, было больно; «паучок» в груди бился, точно бешеный, и дергал нервы в порыве нечеловеческого своего раздражения. И, что

хуже всего, Хлыстов не мог понять, что именно требует от него «ангел-хранитель». А ведь он определенно что-то требовал! Вместо обычно точных и коротких подсказок Хлыстова оглушал шум горного потока. Этот гул рассеивал внимание и туманил рассудок. В какой-то миг Хлыстов подумал, что «паучок» мог предать – предать! – в отместку за то, что его человек ослушался: не лишил жизни непокорную спутницу, как ему было приказано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/horsun_maksim/rzhavye-zemli

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить